

ЭКСПАНСИЯ

[ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛ]

НА ПЕРЕЛОМЕ ВЕКОВ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Генерал-адмирал

Роман ЗЛОТНИКОВ
На переломе веков

«Автор»

2012

Злотников Р. В.

На переломе веков / Р. В. Злотников — «Автор»,
2012 — (Генерал-адмирал)

ISBN 978-5-271-39361-7

Великий князь Алексей Александрович – генерал-адмирал и начальник Главного артиллерийского управления (он же Алексей Коржин, бывший топ-менеджер из XXI века) – продолжает масштабные экономические преобразования в России. Императора Александра III на престоле сменил Николай II. Подходит к концу XIX столетие. В стране действуют переселенческие и образовательные программы, строятся промышленные предприятия, развивается сельское хозяйство, трансваальское золото и новые заводы работают на перевооружение российских армии и флота. Но даже великому князю пока не под силу резко изменить положение дел в мировой политике. Впереди – Первая мировая война. А чтобы она закончилась не так, как в известной нам истории, необходимо для начала победить в Русско-японской и решить важные внутренние проблемы...

ISBN 978-5-271-39361-7

© Злотников Р. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Роман Злотников На переломе веков

Пролог

– Вы знаете, что еще сотворил его непотребное высочество?! – громогласно спросил, врываясь в гостиную, полный господин с потным, красным лицом, одетый в длиннополую бобровую шубу и шапку из того же меха.

Сэр Эфраим Эверсон, сидевший в кресле у камина и беседовавший с хозяйкой дома, генеральской вдовой Елизаветой Ивановной Чертовой, обернулся и уставился на нарушителя спокойствия.

– Акакий Аркадьевич, голубчик! – отозвалась Елизавета Ивановна, в знак извинения улыбнувшись сэру Эфраиму. – Ну что ж вы так – не раздевшись... ворвались... кричите... Не сомневаюсь, что ваше возмущение вполне оправданно, но у нас же гость, посланец Учителя! Что он о нас подумает?

– Ах да... – Полный господин слегка смутился, но не надолго. – Ну нет, вы только послушайте, что *он* придумал! – спустя мгновение снова заорал он, выпутываясь из шубы и сбрасывая ее на руки догнавшего его слуги, который, видимо, бежал за ним от самой прихожей. Вслед за шубой в руки слуги переместились шапка, шарф и щегольская трость, так что Акакий Аркадьевич наконец разоблачился и остался в дорогой тройке из английского твида. – Он принудил Морской технический комитет отказаться от рассмотрения проектов кораблей с отоплением котлов на угле! Вы понимаете, что это означает? – Толстяк возмущенно фыркнул. – О-о, это длительная политика! Уж мне-то совершенно ясно, что он собирается заставить флот перейти на нефтяное отопление котлов. И делает он это для того, чтобы расширить возможности сбыта его собственной нефти, добываемой на принадлежащих ему бакинских промыслах. Это... это... вопиющий пример казнокрадства!

Сэр Эфраим, сохраняя непроницаемое выражение лица, внимательно прислушивался к горячей речи толстяка. В этой компании никто даже не подозревал, что англичанин отлично владеет русским языком, поэтому в его присутствии все разговаривали свободно. Что полностью отвечало его желанию.

В эту страну (а в представлении большинства просвещенных сынов туманного Альбиона она была чем-то вроде Берега Слоновой Кости, расположенного гораздо севернее и населенного туземцами с белой кожей, ничуть не переставшими от этого быть дикарями) сэр Эфраим прибыл две недели назад с рекомендательным письмом от Гренвиля Огастеса Уильяма Вальдгрева, третьего барона Редстока, пылкого миссионера, который уже давно нес окружающим неугасимый свет открывшихся ему истин в самой свежей и, соответственно, самой истинной их интерпретации. Барон, несмотря на весь свой миссионерский пыл, никогда не забывал о том, что он подданный британской королевы и пэр Ирландии. Так что когда к нему обратился один из его братьев-пэров с просьбой написать рекомендательное письмо, барон не стал задавать лишних вопросов и добросовестно исполнил требуемое. Тем более что обратившийся к нему за рекомендацией брат считался человеком чести и ранее ни в чем предосудительном замечен не был, даже наоборот – успел прославиться как человек, несущий свет цивилизации народам, погрязшим в невежестве. И что с того, что этот свет зачастую в реальности являлся языками пламени, вырывавшегося из ружейных и орудийных стволов в момент выстрела?..

Обширная паства у лорда Редстока в столице обширной страны (только по недоразумению все еще продолжавшей именоваться северной, ибо попушением Господа и занятой множеством других проблем королевы Виктории южные границы этой страны уже давно достигли

субтропиков и пустынь) появилась еще в 1874 году, когда он впервые прибыл в Санкт-Петербург со своими проповедями. Эти проповеди имели ошеломляющий успех и обеспечили барону сонмы последователей и учеников, в число которых входили княгини и графы, офицеры и генеральские вдовы, купцы и ремесленники. Сам Гренвиль Огастес провозгласил это благословением Господним, но сэр Эфраим, вследствие специфического жизненного опыта являвшийся куда большим прагматиком, чем третий барон Редсток, склонен был видеть тут обычное преклонение туземцев перед цивилизованными людьми. Эфраим Эверсон служил Британской империи в Китае, Индии, Африке, на Соломоновых островах и Цейлоне, в Японии и Сингапуре и не раз сталкивался с этим приятным и полезным для цивилизованных народов поветрием туземной элиты. Ну, когда представители этой самой элиты начинают активно лебезить перед «цивилизованными» иноземцами и демонстративно презирать все свое собственное – культуру, религию, традиции, историю и так далее. Порой доходит до того, что они либо совсем отказываются говорить на родном языке, либо изо всех сил уснащают свою речь иностранными словечками, как бы подчеркивая этим, сколь огромная дистанция отделяет их от достойной лишь презрения «посконности» их страны и народа и как сами они близки к свету «истинной» цивилизованности. Эти люди даже не догадываются, что их столь режущая слух манера изъясняться вызывает у большинства представителей тех народов, которых они считают «цивилизованными», все то же презрение. Ибо эти люди уже никак не могут считаться людьми. Нет, они были полезны, очень полезны, поскольку служили отличными *инструментами* для проведения выгодной цивилизованным народам политики в туземных княжествах, эмиратах или царствах, но именно и только лишь инструментами. Их покровительственно похлопывали по плечу, их награждали орденами, им присуждали премии, ими публично восхищались, их имена упоминали на первых полосах крупнейших газет, некоторых из них даже принимали в парламенте, а иные удостоивались аудиенции у самой королевы, но... между собой, в своем кругу, над ними презрительно посмеивались. Ну а как прикажете реагировать на говорящий да еще и пыжащийся инструмент?.. Других, даже какого-нибудь неграмотного, дикого вождя захолустного азиатского племени, возглавляющего жалкую сотню воинов, которые с кремневыми ружьями отчаянно противостоят вооруженному пушками британскому колониальному отряду, могли уважать, признавать как равноправную сторону в переговорах и, даже убив, все равно сохранить о них воспоминания как о достойных противниках. Этих же... ценили, но лишь так, как ценят удобную трость или калоши, – ни больше ни меньше. И сам Эфраим Эверсон относился к подобным людям (а к ним, несомненно, принадлежали и его гостеприимные хозяева) точно так же – ни больше ни меньше. Потому он и не подумал посвятить их не только в цели своего пребывания в этой стране, но и в некоторые относящиеся к нему самому подробности... типа знания языка и того, что проповеди барона он посетил всего два раза. Рассказ о первом посещении сэр Эфраим уже успел вернуть в одной из ежевечерних бесед, заработав сим благоговейно-восхищенный вздох собравшихся в гостиной генеральши Захаровой, у которой он нынче квартировал. Ну еще бы, местная паства не видела Учителя, как они именовали барона Редстока, почитай с 1878 года, когда барону был запрещен въезд в Российскую империю (что в глазах верных последователей барона являлось еще одним подтверждением отсталости и дремучести их родной страны), и человеку, недавно слышавшему любимого Учителя, внимала как истинному мессии... Второй же случай он пока приберегал про запас, ибо не мог даже предположить, сколько ему еще придется пользоваться гостеприимством генеральши. Так что иметь в запасе возможность в нужный момент еще раз «подпитать» благоволение к себе ему показалось весьма предусмотрительным.

Нет, сначала сэр Эфраим не собирался задерживаться в Санкт-Петербурге надолго – неделя, максимум дней десять... потому что главное, для чего он прибыл в Россию, сделать, находясь в Петербурге, было нельзя.

Все началось дождливым октябрьским вечером в кабинете лорда Солсбери¹. Третий маркиз Солсбери только что оставил пост премьер-министра, но поскольку это случилось не в первый раз, сэр Эфраим не сомневался ни в том, что, ежели будет на то его желание, Роберт Артур Толбот Гаскойн-Сесил вскоре вернет себе этот пост, ни в том, что, хотя в настоящий момент этот человек не занимает никаких официальных постов, он имеет право отдавать ему, Эфраиму Эверсону, любые распоряжения. Некоторые люди, не слишком приближенные к власти, часто находятся под впечатлением от названий различных высоких должностей и думают, что любая высокопоставленная персона непременно обладает всеми возможностями, которые по определению сопутствуют ее должности. Но сэр Эверсон уже давно вращался в среде, так сказать, самых действенных эшелонов британской политики и прекрасно знал, что на самом деле это не так. Все зависит от человека. И один человек на посту, скажем, министра иностранных дел может обладать куда большими полномочиями, чем те, которые данный пост предоставляет согласно закону и традициям, а другой не сумеет воспользоваться и десятой частью положенного и для всех посвященных останется лишь бледной тенью своего постоянного секретаря. Так вот, лорд Солсбери был очень влиятельной фигурой вне зависимости от того, занимал он какой-либо официальный пост или считался частным лицом. Поэтому, когда посыльный доставил приглашение от маркиза, сэр Эфраим не раздумывал ни минуты и уже через два часа предстал перед призвавшим его человеком.

– Рад знакомству, – сказал ему лорд Солсбери.

На самом деле это была всего лишь формула вежливости. Несмотря на то что по формальным признакам сэр Эфраим принадлежал к кругу дворян, его предки никогда не приближались к порогу палаты лордов, он не носил итонского галстука и даже не прослушал ни одной лекции в Кембридже. То есть сэр Эфраим Эверсон никаким боком не примыкал к числу лиц, знакомство с которыми могло бы хоть на йоту обрадовать лорда Солсбери... Но сам факт, что человек столь высокого полета обратил свое благосклонное внимание именно на него, Эфраима Эверсона, уже был лестным. Потому, вопреки своей любви к точным формулировкам, так уж заикливаться на этой сэр Эфраим не собирался.

– Мне порекомендовали вас люди, которым я доверяю, – продолжил лорд Солсбери, когда гость, повинувшись короткому властному жесту, устроился в кресле напротив. – Дело в том, что я ищу человека для одного деликатного поручения.

Сэр Эфраим понимающе склонил голову. Да, деликатные поручения – это по его части.

Маркиз Солсбери окинул его оценивающим взглядом и попросил:

– Расскажите мне о себе.

Сэр Эфраим говорил долго, почти два часа. И максимально откровенно. Сначала он слегка заколебался, размышляя, стоит ли раскрывать перед собеседником детали ранее исполненных поручений, которые, при формальном подходе, могли бы поставить под вопрос его принадлежность к настоящим джентльменам, но маркиз пришел ему на помощь, несколькими емкими фразами показав, что он в курсе произошедшего и вполне одобряет решительность, проявленную сэром Эфраимом. А когда за окном стемнело и дворецкий принес им грог с горячими сырными крокетами, лорд Солсбери наконец прервал исповедь Эфраима Эверсона и коротко подытожил:

– Что ж, судя по всему, вы мне подходите. Я понял, что вы – человек дела, и не позволяете глупым догмам, приверженность коим более подобает священнику или монахине, не дать вам исполнить свой долг перед Британией. – Он сделал короткую паузу, прищелкнул пальцами, а затем усмехнулся: – Признаться, вы были лишь одним из кандидатов. И основная причина, по

¹ Роберт Артур Толбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз **Солсбери** – премьер-министр Великобритании в 1895–1902 гг. (Здесь и далее прим. авт.)

которой вы попали в мой список, – то ваше дело в Бенгази, что вы так старательно обошли в своем рассказе.

Сэр Эверсон старательно продемонстрировал требуемое смущение. Ни сам он, ни, как стало ясно после сказанного, его собеседник, не видели ничего предосудительного в убийстве двухсот пятидесяти туземцев – они посмели воспротивиться британской воле и таким образом сами избрали свою судьбу. Но любой цивилизованный человек, находясь в приличном обществе, просто обязан явить хотя бы внешние признаки сожаления, в связи с тем что среди казненных бунтовщиков оказалось несколько десятков женщин и почти три десятка детей.

Маркиз еле заметно усмехнулся и продолжил:

– На этот раз убивать вам никого не потребуется... вернее, я дам вам право самому решить, надо ли кого-нибудь убить или нет. И если надо, то каким образом это сделать. Но изначально перед вами будет стоять несколько задач, никак не связанных не только с убийством, но и вообще с каким бы то ни было насилием...

Сэр Эфраим слушал маркиза долго и внимательно. И с каждой фразой в его душе росло восхищение этим человеком. Маркиз, несомненно, был одним из самых выдающихся умов современности. Ибо то, что он предлагал, выходило далеко за рамки «деликатных поручений», которые Эфраим Эверсон исполнял до сих пор. Дело предстояло гораздо, гораздо более захватывающее...

Во-первых, сам объект оперирования. На сей раз это были не британские колонии и не земли диких туземцев, а страна, вроде как считающаяся цивилизованной. Впрочем, именно считающаяся. Британия никогда на самом деле не ставила ее в ряд цивилизованных стран. Как явные, так и тайные представители Британии всегда вели себя в этой стране с той же бесцеремонностью, с какой привыкли вести себя в собственных колониях. Достаточно вспомнить тот факт, что, когда Британии не понравилась политика русского императора Павла I, британский посол в Петербурге лорд Уитворт организовал заговор, приведший к убийству неугодного государя. И (это было во-вторых) сейчас сэру Эверсону предлагалось, ни много ни мало, пойти по его стопам... ну, почти. Нет, от него не требовалось никого покупать, вербовать, шантажировать. Надо было просто найти людей, одержимых *идеями*. Такие есть в любые времена и в любой стране. А в сегодняшней России их особенно много. И отыскать их не составит особого труда. Так вот, надо найти таких людей, потом оценить их идеи, а также способы достижения цели, выбрать тех, у кого либо идеи, либо способы их достижения, либо и то и другое – самые разрушительные для этой страны, и... просто помочь им. Понимаете, в чем смысл? Честные люди честно и, самое главное, неподкупно делают свое дело, искренне считая, что работают на благо отечества, во имя будущего или хотя бы просто восстанавливают справедливость, наказывая тех, кто творит произвол и беззаконие. И таки да, в данном конкретном случае, вполне вероятно, так и происходит. И в следующем тоже, и еще в каком-нибудь. Скажем, в девятом по счету... А то, что с остальными шестью все не так однозначно... так везде бывают издержки. Да и не факт, что эти остальные шесть действительно были ни при чем. Как минимум – они молчали! Значит, тоже несомненно заслуживают наказания. Да и всех тех казнокрадов, узурпаторов, облеченных властью воров и так далее надобно как следует напугать... Все честно, все справедливо (ну, почти, но где вы вообще видели абсолютную справедливость-то?), все ради народа и не щадя своих сил и горящих возмущением сердец... А страна потихоньку, постепенно, под воздействием этих честных и чистых людей, которых только немного, чуть-чуть и совершенно бескорыстно, *ничего* не требуя взамен, поддерживали, – скатывается в хаос. Так что пройдет всего лишь год, или пять, или, может быть, десять лет – и еще один потенциальный конкурент блистательной Великой Британии тщанием самых честных и чистых его граждан, получивших... нет, не некое *задание*, которое, даже если никто ничего не узнает (что в жизни бывает крайне редко, недаром говорят: все тайное когда-нибудь становится явным), сделает этих людей предателями как минимум в собственных глазах... получивших всего лишь чуть

больше возможностей поступать *по своему разумению* и в соответствии со своей самой точной, самой новой и самой истинной теорией всеобщего счастья, заполыхает пожаром гражданской войны. Выгодной для Великой Британии войны, поскольку на ее ведение королевство не затратит ни пенса, а в ее горниле сгорят миллионы людей, будут разрушены сотни тысяч заводов и шахт, миллионы десятин земли зарастут бурьяном. И бывший конкурент надолго выпадет из обоймы стран, угрожающих величию Британии – самой гордой и цивилизованной страны в мире.

А потом... Ну а потом ему, сэру Эфраиму, и другим верным сынам туманного Альбиона придут на смену новые поколения столь же верных и мужественных сынов и разбираться с новыми угрозами империи будут уже они. Новому поколению – новые враги; пусть даже некоторые из них при прежнем поколении вполне могли считаться союзниками. Что ж, такова жизнь – у Британской империи, над которой никогда не заходит солнце, постоянных союзников нет, как, впрочем, и постоянных врагов, а есть лишь постоянные интересы...

Часть первая

Филиппинское море

Глава 1

– А-а-а-кха! Кха! Кха-ах! – Я захлебнулся кашлем, с трудом подавил приступ и судорожно выдохнул. Вот ведь дьявол! Ну надо же было так не вовремя заболеть... – А-акх! Акх! Акх!

– Вот, ваше высочество, возьмите. – Высокий сухощавый человек, вполне еще молодой на вид, с аккуратной бородкой и усами, протянул мне дымящуюся кружку с каким-то отваром.

– Что это? – просипел я.

– Настой листьев австралийского дерева эвкалипт. Этим надобно прополоскать горло.

– М-м, – промычал я, хватаясь за кружку.

Этот гнусный кашель так меня измучил, что я готов был не только полоскать, но и пить любую дрянь, лишь бы полегчало... Впрочем, нет, не любую. Доктор Шпаумкопф, взявшийся лечить меня первым, настоятельно порекомендовал мне «чудесное патентованное средство» под названием – вы не поверите – «Героин»! Пришлось гнать его взашей и срочно начинать поиски другого врача. На мое счастье, в Москве, куда я прибыл всего два дня назад, оказался проездом русский врач Евгений Сергеевич Боткин, сын того самого старичка, который пользовал меня по просьбе Александра III, сразу как я из своего XXI века попал сюда, в Российскую империю. Евгений Сергеевич был молод (ему только должно было исполниться тридцать), но уже достаточно опытен. К настоящему времени он успел поработать в Мариинской больнице для бедных, два года постажироваться в Европе и защитить диссертацию на соискание степени доктора медицины. К тому же я был с ним шапочно знаком, поскольку в мае 1892 года он стал врачом Придворной певческой капеллы и мы с ним пару раз пересекались в Зимнем. Так что едва мне доложили, что он находится в Москве, я приказал немедленно прекратить поиски врача, способного вылечить меня без того, чтобы «посадить на иглу», и немедленно звать Боткина.

После полоскания мне действительно полегчало. Впрочем, я смутно припомнил, что настойка эвкалипта широко использовалась для полоскания горла и во времена моего детства. А возможно, и гораздо позже. Хотя ко времени, предшествующему моему переносу сюда, полоскание горла вообще стало не очень популярно. Большинство, зомбированное рекламой, при кашле предпочитало всякие леденцы и пастилки типа «Strepsils», «Доктор Мом» и так далее, либо ингаляторы, в просторечии именуемые «пшикалками». И я тоже, если честно. Однако могу заявить с полной ответственностью, что столь быстрого и явного облегчения, каковое я получил после всего лишь трехминутного полоскания горла настоем листьев эвкалипта, ни одно из оставленных в моем будущем популярных средств не давало.

– Уф, спасибо, Евгений Сергеевич, полегчало.

Боткин кивнул:

– Да, это очень хорошее средство. Но пока, ваше высочество, у вас наступило только временное облегчение. Вам надобны полный покой и активное лечение.

– Насчет лечения, доктор, я в полном вашем распоряжении, а вот насчет покоя, – я хмыкнул, – ничего не получится. Сами знаете, зачем я здесь, в Москве.

– И все же, ваше высочество, я настоятельно рекомендую вам несколько дней не покидать дворца. – Молодой Боткин грозно выпрямился во весь свой немаленький рост. – Ваши успехи на ниве промышленности явственно показывают, что у вас немало отличных помощ-

ников. Поставьте им задачи – и пусть работают. А вы проконтролируете их исполнительность немедленно, как поправите. Если же вы меня не слушаете, я откажусь далее быть вашим лечащим врачом, ибо просто не смогу нести ответственность за результаты своего лечения.

Я открыл рот, чтобы возразить, но снова закашлялся.

– Молчите! – сердито прикрикнул на меня Боткин, даже не поименовав высочеством. – Вам сейчас говорить тоже противопоказано.

Я скривился, но послушно замолчал. А что тут скажешь?

В Москву я прибыл 18 апреля нынешнего 1895 года в качестве председателя коронационной комиссии. Матерясь про себя. Мой племянник, взойдя на престол, немедленно вызвал меня к себе и начал активно предлагать мне занять при нем место, «достойное такого умного и развитого человека, как вы, дядя». Сначала он предложил мне пост министра финансов, пообещав при этом оставить меня и на всех прочих, уже занимаемых мною должностях. Если учесть, что должность премьер-министра в настоящее время являлась скорее номинальной и служила этакой синекурой для лиц, вышедших из доверия, министр финансов по влиятельности являлся вторым лицом после государя. Ну а принимая во внимание, что я остался бы и генерал-адмиралом, и начальником Главного артиллерийского управления, кроме того, похоже, не так давно стал еще и самым богатым человеком России (ну, после императора, понятно), а Николай пока находился только в начале своей карьеры самодержца, я сделался бы чуть ли не первым...

От сего поста мне удалось отбояриться. Также я последовательно отверг предложения стать военным министром, министром двора, премьер-министром (с обещанием наделить сей пост реальной властью и возможностями) и создать под меня некое новое мегамиистерство «промышленности, торговли и развития». После чего накричал на самодержца, заявив ему, что негоже императору перекладывать на чужие плечи заботу о стране. Ежели же он считает себя неспособным править столь огромной державой, то нечего искать отдельных лиц, а надобно принимать конституцию и проводить выборы Государственной Думы, коей поручить формирование ответственного правительства. Николай насупился и обиженно заявил, что конституциями, мол, пусть французы балуются – уже третью республику учредили, а всё одно толку никакого. Ну, насчет толка я бы мог с ним поспорить, но не стал. Поскольку знал, что на Третьей республике дело не закончится: в оставленном мною будущем французы жили уже при Пятой...

В конце концов мы с племянником сошлись на том, что я займу при нем некую неофициальную должность ближайшего советника. Ну а в нагрузку он взвалил на меня два поручения. Первое было связано с его женитьбой, а второе – с коронацией.

С женитьбой все обошлось благополучно. Никакой Алисы Гессенской на горизонте так и не возникло. Переболев страстью к Эшли Лоутон, а затем утешившись с Матильдой Кшесинской, Николай припомнил свой интерес к племяннице Леопольда II и отправил ей письмо, на которое, естественно, получил ответ. Роман в письмах развивался с 1893 года и к моменту кончины Александра III уже близился к логическому завершению. То есть к свадьбе. Планируемое породнение русского императорского дома с «королем-маклером» вызвало некоторую оторопь во всех царствующих домах Европы и даже инициировало ехидный комментарий старого ненавистника России, австрийского императора Франца Иосифа. (Впрочем, весьма короткий комментарий. У него самого в этом отношении рыльце было в пушку. Его ныне покойный сын и наследник был женат на бельгийской принцессе, причем не племяннице, а родной дочери Леопольда II. Хотя принца немного извиняло то, что в момент переговоров о браке торговые таланты его будущего тестя еще не особенно проявили себя. Со временем же они расцвели пышным цветом...) Мой братец Александр, узнав о желании сына жениться на бельгийской принцессе, по первости слегка осерчал. Мне даже пришлось вступить за племянника, кото-

рый закусил удила и стоял на своем, причем не столько от великой любви, сколько назло отцу. Несмотря на то что отца он безмерно уважал и даже боялся. Но за последние три года Николай столько от него натерпелся, что просто устроил бунт. Тот самый – бессмысленный и беспощадный. Я это прекрасно понял и поддержал племянника. Не потому, что так уж мечтал о соединении «любящих сердец» – любви-то там особенной не было, сплошная прагматика (хотя я разделял мнение, что браки по расчету – самые крепкие, если расчет правильный). Парню явно надо было одержать хоть одну победу в противостоянии с отцом, а то слишком уж Александр на него давил. Впрочем, буря продолжалась недолго. Матушка Николая сумела успокоить благоверного, а король Леопольд не упустил момента и щедрой рукой отвалил за племянницей царское во всех смыслах приданое – кусок Катанги, богатейшей провинции своего Свободного государства Конго... После того как я объяснил братцу, *что* мы получаем, тот тоже быстро утихомирился и пошел на попятный.

Надо сказать, что и щедрость его бельгийского величества имела вполне прагматичный характер. Свободное государство Конго, являвшееся личным владением короля Леопольда II, вовсю сотрясали восстания племен бататела, а привлечь для их подавления бельгийские войска в достаточном объеме король не мог. Как раз вследствие того, что Свободное государство Конго было не колонией Бельгии, а личным владением короля и это очень не нравилось бельгийскому парламенту, жаждавшему завладеть богатствами, выкачиваемыми из Конго. Вот они и вставляли своему королю палки в колеса где только могли, принуждая его «поделиться». А пока не соизволит – пусть наводит там порядок за свой счет.

Я знал, что король справится и без нашей помощи: бельгийцы сидели в Конго до 60-х годов XX века, и выкинуть их оттуда сумел только тот самый Лумумба, в честь которого в Москве назван Университет дружбы народов. Но вот сам Леопольд, как видно, после мощного восстания 1890–1892 годов был не слишком уверен в своих силах. И решил подстраховаться, организовав племяннице приданое, защищать которое русские совершенно точно пришлют своих ставших уже легендарными казачков. И ведь не ошибся стервец этакий! Сразу по заключении предварительных договоренностей насчет свадьбы штаб казачьих войск уже вполне официально провел набор среди казаков, отслуживших в моем отряде стражи в Трансваале и вернувшихся домой, для «обеспечения безопасности русских владений в Конго». Мол, люди опытные и к климату привычные... А там было что охранять. Катанга – золотая шкатулка Центральной Африки, ничуть не менее богатая, чем Трансвааль. И хотя Леопольд исхитрился провести границу так, чтобы почти не отдать нам ничего из уже разрабатываемых рудников, я по своей старой работе неплохо знал конголезские активы и отлично представлял себе, что бельгийцы не вскрыли еще и четверти богатств Катанги. Даже из числа тех, которые можно добывать уже сейчас, то есть не говоря об алюминии, уране или тантале. Причем существенная часть этого богатства находилась на отдаваемой нам Леопольдом территории.

Решение Леопольда вызвало некие подвижки среди европейских держав. Англичане прислали раздраженную ноту. Немцы сдержанно приветствовали появление России «в ряду колониальных держав», и за словом «колониальных» явственно слышалось «цивилизованных». Французы отреагировали более бурно, ну да они нынче готовы бросать вверх чепчики от любых наших телодвижений, уж больно мы им нужны. А вот австрийский император промолчал. Впрочем, за него ответили венские газеты, разразившись целой серией статей о том, как вели себя в Африке бельгийцы; журналисты изложили все подробности – от отрубания негритянским детишкам рук за неисполнение нормы по сбору каучука, до не менее «милых» карательных операций «Общественных сил»², – и дружно стонали по поводу того, что начнется в Конго, едва лишь туда придут «эти жестокие казаки».

² «Общественные силы» (Force Publique) – частная армия, созданная королем Бельгии в Конго из ряда местных воинственных племен под командованием европейских (преимущественно бельгийских) офицеров. Отличалась крайней жестоко-

В общем, все сложилось вполне ожидаемо. И когда через три месяца после кончины Александра III в Санкт-Петербург прибыла Генриетта Бельгийская, сопровождаемая братом Альбером и мною (ну а кого еще племянник мог отрядить за невестой?), там ее уже ожидали делегации практически всех европейских держав. В том числе и Австро-Венгрии. Да, неприязнь – неприязню, а политес – политесом.

Свадьба прошла довольно сдержанно – двор еще был погружен в траур по почившему императору, – а медовый месяц молодожены провели в свадебном путешествии. Я к ним присоединился, совместив полезное с приятным, когда роскошный свадебный поезд завернул в Магнитогорск. Транссиб строился достаточно активно, благодаря неумной энергии назначенного еще моим братом министра финансов Витте, бывшего ранее начальником железнодорожного департамента Министерства финансов, но сквозное движение еще не было открыто. Так что путешествие «в эту страшную Сибирь, еще более ужасную, чем эта жуткая Австралия»³, как выразилась молодая императрица, царский поезд совершил по моей ветке. Тем более что эта ветка, в отличие от законченных к настоящему времени участков Транссиба, уже была переведена на тяжелые рельсы и с точки зрения безопасности выглядела куда надежнее, чем еще строящийся Великий Сибирский путь. Впрочем, и с ним дело теперь обстояло лучше, чем в старой реальности. Ну, мне так казалось (уж извините, точных графиков постройки Транссиба я не помнил), потому как я сам принимал активное участие в строительстве этой важнейшей для страны дороги, да и Николай уделял ей большое внимание. Еще будучи цесаревичем, он стал председателем комитета по сооружению Транссиба, и я использовал это его назначение для того, чтобы на практике показать ему некоторые приемы управления и контроля. Что, несомненно, благотворно повлияло не только на навыки и умения племянника, но и на строительство самого Транссиба. Ибо, судя по всему, и строился он куда быстрее, и воровали на нем куда меньше, чем в другой истории.

Ускорению строительства Транссиба способствовали и некоторые другие моменты. Например, упоминавшаяся выше ветка, протянутая мною до угольных залежей Экибастуза, столицей коего сейчас являлся городок с поэтичным названием Степной, добралась до Новониколаевска⁴, что позволило, хоть и кружным путем, забрасывать грузы для строительства Великого Сибирского пути практически в самую середину его маршрута железной дорогой. Это заметно удешевило и ускорило строительство. Вначале была идея вообще отказаться от перегона Екатеринбург – Новониколаевск и использовать вместо него мою уже построенную ветку. Да, придется давать кругалю, но ведь дорога-то уже готова! Впрочем, от этой идеи отказались. Уж не знаю, что послужило тому причиной – нежелание отступать от утвержденного проекта, взятки подрядчиков или разумение, что для активного заселения и развития Сибири железная дорога непременно нужна. Я этим не интересовался. И тот, и другой путь развития событий были для меня равно желательными. Конечно, если уже построенную и находящуюся в моем владении ветку включают в Транссиб, я заработаю на этом заметно больше. Но с точки зрения развития страны дублирование магистралей на этом участке было предпочтительнее. Ведь я деньги-то зарабатываю отнюдь не для того, чтобы самолюбие потешить или с золота жрать, а именно чтобы страну развить. Так не все ли равно?

В Магнитогорске в принципе все было в порядке. То есть обычный рабочий бардак. Заводы дымили, по межзаводским веткам медленно скользили огромные гусеницы грузовых составов с углем, рудой, металлическими слитками, прокатом и так далее. Молодая императрица во все глаза смотрела на это грязное, дымное, вонючее, но все же великолепие. А уж когда группа инженеров и мастеров из Льежа, трудившихся на моих заводах, преподнесла ей

стью к местному населению.

³ И Сибирь, и Австралия довольно долго использовались как места ссылки, причем смертность ссыльных в Австралии заметно превышала таковую в Сибири.

⁴ До 1926 г. Новосибирск назывался Новониколаевском.

в дар изумительную кованую вазу, наполненную такими же коваными цветами, она вообще пришла в восторг.

Из Магнитогорска молодая чета отправилась дальше – инспектировать на две трети построенный Транссиб. Я же, задержавшись еще на неделю, чтобы разобраться уже с собственными делами, вернулся в Москву готовить церемонию коронации, назначенную на май. К сожалению, так до конца ни с чем и не разобравшись. Но время поджимало, так что пришлось бросать всё и ехать. И вот заболел...

– Ваше высочество, – спустя минуту продолжил уже более мирным тоном Боткин, – я понимаю вас. Ежели бы мне было поручено нечто столь же ответственное, я бы тоже всеми силами стремился самолично везде успеть и все проконтролировать. Но поймите и вы: вам просто необходимо вылежаться. Еще инфлюэнцы⁵ нам с вами не хватает.

Я кивнул и задумался. Вот черт, в последнее время меня тут регулярно прихватывали всякие простуды, насморки, начали побаливать колени и поясница. И лет мне пока вроде не так много – сорок пять, а со здоровьем уже что-то не то творится. На медицину же здешнюю надежд нет. Здесь даже банальное воспаление легких – болезнь в большинстве случаев смертельная. Антибиотиков-то нету... И тут я уставился на сидящего передо мной доктора заинтересованным взглядом. Ну да – нет, и я про них совершенно ничего не знаю, кроме того, что господин Флеминг выделил первый антибиотик из какой-то плесени и назвали его как раз по аналогии с этой самой плесенью – пенициллином. Но это же классическая управленческая задача: есть знание решения, есть знание методики его достижения – организуй структуру и наполняй ее людьми и ресурсами.

– Что? – недовольно спросил Боткин-младший, поежившись под моим взглядом.

– Нет-нет, ничего, Евгений Сергеевич, – рассмеялся я. – Так, мысли кое-какие в голову пришли. О будущем. И... я исполню ваши предписания. Пару дней готов поваляться в постели.

– Пару или не пару – это мне решать, – сварливо отозвался Боткин.

А я старательно обдумывал пришедшую мне в голову идею. И она мне нравилась все больше и больше. Да, вполне возможно, ничего не получится. Во-первых, я, хоть убей, не помнил, откуда Флеминг взял плесень, из которой выделил антибиотик. Ну не всякая же подходит! Значит, предстояли тысячи, а то и сотни тысяч экспериментов только с этим. Во-вторых, даже если мы и найдем подходящую плесень, еще не факт, что удастся выделить из нее биологически активное вещество. Возможно, пригодных для этого технологий пока не существует. В-третьих, даже если все получится, опять же не факт, что я сумею развернуть фабричное производство препаратов. Не исключено, что они так и останутся единичными экземплярами, продуктом уникального индивидуального мастерства считанных ученых.

Впрочем, это я уже увлекся. Мне хватит и первых образцов. Фабричное производство – бизнес, а антибиотики меня сейчас волнуют не с точки зрения бизнеса, а с точки зрения собственного выживания. И с этой точки зрения Боткин-младший как руководитель структуры, которой предстоит открыть пенициллин, устраивает меня со всех сторон – прекрасно образован, молод, но уже обладает неплохим практическим опытом и навыками, сын известнейшего медика и исследователя, что весьма пригодится для легализации результатов. Правда... идеалист. Явный. Значит, непременно будет стараться осчастливить все человечество... Ну и что? Людей без недостатков не бывает. А с идеализмом как-нибудь справимся. Да и справляться-то надо будет не вечно, а года три-четыре. Озадачим Евгения Сергеевича исследованием отдаленных последствий и прочего, а сами за это время развернем фабрики. Ну а потом патент можно будет вообще бесплатно отдавать – все равно у нас покупать будут... Я хмыкнул. Что-то я опять увлекся и на бизнес перекинулся. Главное – препарат получить, а выйдет из этого бизнес или нет – там посмотрим. Боткин этого моего «хмыка», слава богу, не заметил, а то

⁵ Инфлюэнца – грипп.

еще ненароком обижу его. Талантливые люди – они такие, обидчивые и себе на уме, но если уж работать – так именно с ними. Послушная посредственность, кою предпочитают некоторые столь же посредственные руководители, себя никаким образом не окупит, как ни крути...

Коронация Николая, вернувшегося из путешествия изрядно отдохнувшим и окрепшим, состоялась 11 мая 1895 года. Кое-кто из высшего света бурчал, что, мол, слишком спешно, года еще не прошло после смерти прежнего императора, не по канону. Но я гнал. У меня и без того дел много, и в Трансвааль ехать надобно – что-то там добыча упала. Слегка, но упала. И перевооружение армии разворачивается, да и с флотом возни неувпоровот. Как выяснилось, здесь представления о серийном производстве были крайне своеобразные, особенно в судостроении. До начала строительства моих крейсеров «золотой» серии я даже не догадывался, насколько. Раньше я в судостроение вообще не лез. Ну, почти. Создал опытовую станцию, где отрабатывались свежие идеи, регулярно проводил ревизии, более или менее регулярно торжественно присутствовал при спусках на воду новых кораблей да время от времени ввязывался в драку Чихачева⁶ с Министерством финансов. Серьезное вмешательство позволил себе один-единственный раз – когда наотрез отказался поддержать популярную в это время идею «таранной атаки». Ну не помнил я никаких удачных таранов кораблей с механическими двигателями – вообще не помнил! И что с того, что на самом деле они были и именно таранной атакой выиграно первое крупное морское сражение броненосных кораблей⁷? Если к XXI веку эта битва забыта – значит, ничего такого больше не случалось. Следовательно, разработка и строительство кораблей, предназначенных для использования подобной тактики, – пустой перевод денег... В процессе этих жарких баталий по поводу проектов кораблей я просто до печенок осознал истинность изречения Черчилля: «Генералы всегда готовятся к прошлой войне». И тот факт, что в моем случае это были не генералы, а адмиралы, ничего не менял. Большинство считали таран главным оружием корабля, а все остальное, по их мнению, было призвано лишь подготовить и облегчить атаку. Но тут я встал на дыбы, сразу же и категорически зарубив проекты броненосцев с одной башней главного калибра в носу и переутяжеленным носомтараном. Насколько принятые проекты, которые к тому же обошлись заметно дороже, чем предлагаемые «таранные», были лучше – не знаю, но выглядели они не в пример менее ублюдочно, чем те, что собирались воплотить сторонники таранной тактики. Да и большинству моряков они нравились гораздо больше. Так что, вероятно, они и правда были лучше. В конце концов, всем известно, что красивая техника и работает эффективнее, и ломается меньше. Вот такой вот закон природы...

Так вот, как я уже упоминал, в судостроение до «золотой» серии я особенно не лез. Не с моим опытом и знаниями в этой области давать советы. А вот когда начали строиться первые крейсера, я принялся наведываться на верфи регулярно. И в один прекрасный день происходящее там перестало мне нравиться. Случилось это вследствие того, что я, пробираясь по внутренностям уже спущенного на воду корпуса третьего из моих крейсеров, со всего маху приложился в коридоре об откос, коего на первых двух крейсерах, уже прошедших ходовые испытания, в этом месте точно не было.

– Ах ты господи, ваше высочество! – всплеснул руками ответственный за постройку всей серии полковник Субботин, сопровождавший меня в путешествии по кораблю. – Ушиблись!

Я же сидел на заднице и, потирая лоб, пялился на откос. Это была явно не времянка – сверху по откосу как по опоре тянулись какие-то трубы.

– Ваше высочество...

– Что это? – зло прошипел я, поднимаясь на ноги и указывая подбородком на откос.

⁶ Чихачев Николай Матвеевич – адмирал, управляющий Морским министерством.

⁷ Битва при Лиссе 20 июля 1866 г.

– Что? – удивился Субботин.

– Вот это что? – Я ткнул пальцем.

– Э-э... ваше высочество, это конструкционный элемент.

– Я вижу и прошу объяснить мне, откуда он тут взялся. На двух предыдущих крейсерах этой серии ничего такого не было.

Субботин несколько мгновений рассматривал злополучный откос, а затем пожал плечами:

– Не могу немедленно ответить, ваше высочество, но... я уточню.

– Уточните, и побыстрее, – буркнул я, слегка остывая.

Рядом с откосом мне пришлось проторчать почти сорок минут. Сначала прибежали двое инженеров, затем бригадир, потом приволокли какого-то мастерового, который испуганно пялился на меня, мял в руках картуз и блеял что-то типа: «Надысь тута никак не подлезть было. Котельные-то, эвон, тама паропровод протянули, вот нам тута и пришлось...» Короче, выяснилось, что все мои крейсера были собраны отнюдь не по проекту, а, так сказать, на живую нитку. То есть в общем-то по проекту, но на самом деле – как в данный момент и конкретному мастеровому удобнее.

Я стоял и молча свирепел. Вот так-так... мы тут проекты рассчитываем – прочность, остойчивость, размещение брони, помп, схему непотопляемости, а простой мастеровой с верфи, которому надобно паропровод или какую иную трубу протянуть, ничтоже сумняшеся в математически рассчитанной переборке, предназначенной для того, чтобы выдержать определенную нагрузку и давление, вертит пару-тройку лишних дырок там, где ему удобнее, и тянет эту самую трубу так, как ему удобнее будет к ней подлезть! И какой тогда толк от моей опытовой станции и вообще от всей судостроительной науки?!

Ревизия, устроенная мною на первых двух уже построенных крейсерах, выявила такие внутренние отличия кораблей, что я просто взбесился. И устроил форменный разнос на Морском техническом комитете. Даже формы котлов разнились!.. После этого вся программа судостроения была пересмотрена и все эллинги, пригодные для строительства крупнотоннажных кораблей, были заняты моими крейсерами. Двадцатилетняя судостроительная программа была коренным образом изменена, в качестве базовой морское министерство взяло «крейсерскую» стратегию, так что и идеологическое обоснование такому массовому строительству нашлось. Хотя многие ворчали, что принятое водоизмещение сделать нормальный крейсер-рейдер никак не позволит, что следует переходить на более крупные корабли, что ставка на бронепалубные вообще неверна и необходимо строить броненосные. Мол, мы не англичане, нам столько крейсеров вообще не надобно, а ежели какие и надобны, так не такие.

Но мне-то по большому счету все эти стратегии были до лампочки. Я понял, что, если не успею достаточно быстро отработать технологию производства, все мои потуги, призванные обеспечить победу или хотя бы не столь разгромное поражение в Русско-японской войне, пойдут псу под хвост. Русские корабли будут тонуть быстро и часто, просто потому что построены абы как и имеют к реальному проекту весьма отдаленное отношение. А повышать техническую культуру, добиваясь действительной, а не «примерной» серийности, лучше на крейсерах (желательно не слишком большого водоизмещения), чем на массивных, сложных и дорогих броненосцах. Ну а как отработаем технологии – вернемся к броненосцам.

Так что к настоящему моменту моя «золотая» эскадра уже вовсю плавала. Еще шесть крейсеров уже следующего проекта, являвшегося развитием «золотой» серии, со слегка увеличенным водоизмещением и появившимся броневым поясом (хотя и не слишком толстым), которые отличались друг от друга куда меньше, чем шесть «золотых», находились на достройке у заводской стенки. А шесть корпусов третьей серии, с еще немного возросшим водоизмещением и первыми образцами котлов на нефтяном отоплении, готовились к спуску на воду. И на этой серии мы уже должны были полностью перейти к абсолютной взаимозаменяемости всех

машин, механизмов и элементов конструкции. Скажем, паровая машина или котельные установки, изготовленные для первого крейсера, безо всяких проблем и подгонок должны были сесть на предназначенные для них места в корпус пятого или шестого крейсера серии, что было невиданным делом для русского кораблестроения. Ну, если все получится как планируется, на что была большая и вполне обоснованная надежда...

А еще, вследствие того что я уделял строительству третьей серии кораблей максимальное внимание и не только сам регулярно появлялся на верфях, но еще и практически на постоянной основе держал там наблюдателей из числа инженеров, закончивших обучение на кораблестроительном факультете по программе Общества вспомоществования в получении образования сиротам и детям из бедных семей, удалось снизить стоимость постройки крейсера до четырех миллионов рублей и уменьшить сроки до года и девяти месяцев. Причем мои ревизоры божились, что при строительстве следующей партии есть возможность сократить сроки строительства вообще до полутора лет. Что в будущем обещало адекватно сократить сроки строительства и других типов кораблей, от крейсеров первого ранга до броненосцев.

В принципе я был не против, только вот что делать русскому флоту с таким количеством сходных по характеристикам крейсеров? Русско-японскую войну-то одними крейсерами не выиграть. Да и вообще никакую не выиграть. Осложнить жизнь противнику – да. Устроить ему существование впроголодь – возможно, при условии, конечно, что он сильно зависит от поставок морем. Заставить тратить на войну гораздо больше средств, чем он ранее планировал, – очень вероятно. Но выиграть войну... Так что тупиковость «крейсерской» стратегии к настоящему моменту была видна уже и мне. Впрочем, я никогда и не считал ее истиной. Просто надо было как-то обосновать строительство такого количества крейсеров, не оснащенных серьезной броней и не способных драться в линии, вот я ее и приплел. Да даже и не сам приплел, а просто поддержал тех, кто продвигал эту идею. И она свою задачу уже в общем выполнила. Ну, почти. Была еще мысль опять же на базе этого проекта поставить во Владивостоке крупный сухой док, в котором можно было бы не только отремонтировать, но и, если понадобится, построить какой-нибудь корабль крупного тоннажа. Делать там верфь смысла пока не было, поскольку всё – от металла для корпуса до машин и вооружения – пришлось бы туда везти, но вот иметь возможность в случае необходимости не только отремонтировать, а и построить там полноценный боевой корабль ой как не помешает... Впрочем, если честно, это уже был некоторый перебор. И так по окончании достройки заложенных кораблей мы получим восемнадцать крейсеров с довольно близкими характеристиками. Не одинаковыми, нет (в конце концов, от серии к серии крейсера совершенствовались, и уже вторая серия формально могла бы считаться броненосной, а третья – даже и не формально), но близкими.

После коронации я подошел к радостно-возбужденному племяннику. Толпа рвущихся поздравить только что коронованного императора беспрекословно расступилась – о наших особых взаимоотношениях с Николаем знали многие.

– Дядя, – он оттащил меня в сторону, – я еще раз хочу обратиться к тебе с просьбой о том, чтобы ты принял на себя...

Похоже, церемония привела парня в состояние эйфории, так что его слегка понесло. Но, во-первых, все уже было сказано и обсуждено не раз, а во-вторых, ну кто ж обсуждает такие вопросы в Успенском соборе, не сняв ни корону, ни огромную, тяжеленную мантию?..

– Государь, – прервал я его, – мы же все это обговаривали. Пойми, я делаю все, что могу. Все, на что способен. Ты одних налогов с моих предприятий имеешь уже более миллиона в год, мы вот-вот начнем самую современную крупновскую броню⁸ варить, а ты меня в политику

⁸ Крупновская броня была изобретена в 1893 году.

тянешь. Я и так там закопался глубже некуда, свои дела почитай забросил. Дай мне хоть чуть-чуть передохнуть!

Николай вздохнул и махнул рукой:

– Ну, как знаешь...

Отходя, я поймал на себе завистливый взгляд брата Сергея. Как московский генерал-губернатор, он рассчитывал, что именно его назначат председателем коронационной комиссии, и, узнав, что им стал я, расстроился и теперь относился ко мне с прохладцей. А тут он, похоже, до кучи еще и услышал нашу с племянником короткую беседу... Впрочем, мы с Сергеем и ранее были не слишком близки, в первую очередь из-за моих собственных опасений, так что пусть. Все одно я старался максимально сократить родственные контакты. Да и времени на них не было.

С царской трапезы в Грановитой палате я удрал через два часа, раньше не получилось, и потащился на Ходынское поле, где через несколько дней планировались народные гуляния с раздачей подарков. Я припоминал, что во время этой раздачи были какие-то кровавые события – то ли давка, то ли теракт. И если со вторым я поделать ничего не мог, то вот от первого вполне себе подстраховался.

– Ну как тут у вас? – поинтересовался я у полицейского, подскочившего к моему экипажу, едва лошади встали.

– Все в порядке, ваше высочество! – браво отрапортовал он. – Ямы засыпали, сейчас строим новые павильоны. И заборы к им. Всё как вы велели.

Я окинул Ходынку взглядом. Поле было традиционным местом гуляний, но во время моего первого появления здесь оказалось к таковым совершенно не приспособленным. Оно было все в ямах, рытвинах и промоинах, оставшихся после добычи здесь песка и глины, а также от металлических павильонов, в настоящее время демонтированных и перевезенных на ярмарку в Нижний Новгород. Сейчас ямы были засыпаны и утрамбованы, а в схему размещения павильонов, первоначально располагавшихся только по периметру, были внесены изменения. Кроме того, подходы к ним были огорожены, а к ограде вели специальные коридоры, вроде тех, что в покинутом мною времени устраивают около стадионов или в аэропортах у регистрационных стоек, дабы избежать скучивания и давки.

Я прошелся по полю, потоптался на засыпанной яме и, кивнув полицейскому, сел в экипаж. Темнеет, а мне еще больше часа до Кремля добираться. Хотя расстояние-то – тьфу. Да, пора обзаводиться автомобилем. В Магнитогорске уже работали довольно большие мастерские, выпускавшие по три автомобиля в месяц. Это были усовершенствованные модели прикупленного мной «Моторвагена» Карла Бенца, имевшие четыре колеса, подвеску на двух поперечных рессорах и двухцилиндровый двигатель мощностью почти три лошадиные силы. Наклепали таковых уже сорок штук, и все они были предоставлены в аренду агрономам, ветеринарным и обычным фельдшерам, которые занимались обслуживанием наших новоиспеченных фермеров. Причем в аренду автомобили отдавались вместе с механиком, заодно выполнявшим и обязанности водителя. Агрономов и фельдшеров у нас пока еще было мало, а клиентов много и на огромной территории. Потому автомобили нас сильно выручали, поскольку имели максимальную скорость двадцать четыре километра в час, а крейсерскую – не менее пятнадцати – семнадцати, и запас топлива, обеспечивающий пробег до ста километров. Так что и агрономы, и фельдшеры могли достаточно оперативно обслужить обширные участки. Ну а мастерские за счет весьма интенсивной эксплуатации техники наработывали статистику и копили опыт. Ибо механики не только обслуживали и ремонтировали машину, но еще и вели скрупулезный учет всех поломок и отказов, а также регулярно подавали предложения по усовершенствованию авто. Кое-какие из них даже уже были внедрены. Но пока на полноценный автомобиль эта коляска никак не тянула. Хлипкая, капризная, ломучая, да и комфорта никакого.

Куций тент сверху – и всё. Нет, агрономам и фельдшерам она по вкусу пришлась – всё лучше обычной телеги, да еще и аренда стоит копейки, – но мне совсем не годилась...

Торжества по случаю коронации закончились в 20-х числах, после чего я наконец-то скинул с себя неподъемный груз. А то, смешно сказать, с этими хлопотами я даже ни разу не прошелся по корпусам последних строящихся крейсеров. Ревизоры-то ревизорами, а свой глаз ничем не заменишь. Но едва я вернулся в Петербург, меня встретил мрачный Канареев и молча передал письмо.

– Проблемы, Викентий Зиновьевич? – поинтересовался я, вскрывая конверт.

– Да, и серьезные, – ответил он. – Впрочем, я думаю, в этом письме вам все будет изложено более подробно. Хотя и мой доклад тоже наготове.

Я вынул лист, пробежал глазами текст, задумался, потом хмыкнул:

– Значит, Папаша Пауль решил соскочить с крючка?

Канареев кивнул.

– Что ж, – вздохнул я, – значит, надо подумать, в чем мы здесь можем... выиграть.

Глава 2

– Ы-ых, пошли, родимья! – Сосед Афиноген огрел правого из пары своих битюгов концом вожжей по крупу, и лошади, всхрапнув, послушно сдвинулись с места.

Отец бросил придирчивый взгляд на Митяя, укутанного по самое не могу в шерстяное одеяло и укрытого поверх него овчинным пологом, потом отвернулся, сунул руку за отворот тулупа, покопался там и достал стеклянную фляжечку.

– Эй, сосед, будешь?

Косматая, заросшая рожа Афиногена расплылась в доброй улыбке:

– Казенная?

– А то ж, – солидно отозвался отец, – княжья, медовая с перцем.

– От доброго продукта грех отказываться, – так же солидно заметил Афиноген и, ухватив фляжку, сделал гулкий глоток. – Х-хор-роша-а-а! – протянул он, занюхав рукавом тулупа, скорее по привычке, чем по необходимости: казенная славилась своей мягкостью. – Лексир!

– Не говори, – покивал отец, в свою очередь прикладываясь к фляжке. – Умеет благодетель товар сделать, чтоб душа пела и радовалась.

– А то ж, – теперь уже покивал сосед.

После чего оба замолчали, задумавшись каждый о своем. А Митяй просто повернул голову и уставился на удалявшееся подворье. В первый раз он покидал дом так надолго.

На хуторе Глухом они обосновались четыре года назад. Вернее, три, если уж сказать «обосновались». Поскольку четыре года назад, по весне, они появились в этом распадке голыми и босыми. Митяю тогда шел пятый год, и он мало что помнил о прошлой жизни. Только по рассказам знал, что до того, как перебрались сюда, он жил с отцом, матерью, старшим братом и младшей сестренкой в деревне в Тверской губернии. Жили скудно. Единственное, что Митяй помнил отчетливо, – это чувство голода. Ему постоянно хотелось есть. Всегда. Даже летом. Хотя летом-то можно было найти чего пожевать – щавель, лебеду, грибы, а вот по весне... Одной такой весной, когда было особенно голодно, все его семейство и стронулось из родимой сторонки. Почему да отчего – Митяй не ведал, но догадывался, что, видно, особенно припекло.

Дорога вышла трудной, такой, что сестренка ее не пережила и остался от нее маленький холмик на одном из безымянных полустанков. Мать долго горевала и едва сама не преставилась, но обошлось. Нонича же у Митяя бегал по дому очередной братишка полутора лет от роду, а мать снова уже была на сносях. Именно поэтому они с отцом и ехали всего лишь вдвоем. Старший брат Митяя, Евфим, коему исполнилось уже двенадцать, остался «на хозяйстве» – в помощь матери, у которой изрядно округлился живот, ну и как старший мужик в доме.

Так вот, в тот, первый, год они слезли с телеги и растерянно огляделись.

– Ну вот, – хмыкнул землемер, – твоя земля, Никодим Евсеич.

Отец суетливо сдернул с головы поношенный донельзя картуз и поклонился, отметив про себя, что такой важный господин, как землемер, назвал его со всем уважением – по имени-отчеству.

– Благодарствую, господин землемер.

– Не меня благодари – великий князь Алексей Александрович вам, переселенцам, поспособствовал. Ты ссудный-то договор подписал?

– Дык ить... – Отец замялся и обреченно мотнул головой: – А куды деться-то было? Ведь ни сохи, ни лошаденки... – Он махнул рукой.

Землемер рассмеялся:

– Да не страдай ты так. Все у тебя будет. Чай не первый ты здесь оседаешь. Повидал я вашего брата. Всех поначалу оторопь берет, а потом – ничего. Образцовое-то подворье видел?

– А то как же, – отозвался отец и, прижмурившись, выдохнул: – Лепота превеликая!

– Вот и у тебя такая же будет, коль стараться станешь.

– Дык это мы завсегда, – заверил отец.

А землемер кивнул:

– Ну ладно, выгружайтесь. Мне еще обратно возвращаться. Завтра жди, твою ссуду начнут привозить.

– Дык хорошо бы! – Отец суетливо бросился к телеге, на которой был свален их небольшой скарб...

До здешних мест они добрались лишь к осени. Поначалу отец пытался пристроиться в городе, перебиваясь случайными заработками, но к сентябрю окончательно понял, что с такой обузой, как семья, ничего не получится. И рискнул-таки поверить вербовщикам из странной конторы, зазывавшим переселенцев куда-то в далекие дали и обещавшим просто чудесные условия. Это-то и останавливало. Крестьянина же завсегда обманывают...

Ехать пришлось долго и уже по холоду. Так что младшенькая простудилась и померла. Ну а как приехали, их расселили в огромные бараки и велели дожидаться весны. А покамест ходить на занятия, которые вели какие-то студенты. Отец было решил на это плюнуть, но когда прошел слух, что за хорошие оценки на этих занятиях будут платить, да еще по весне их итоги учтут при распределении земли и очередности расселения, загнал на учебу не только старшего сына, который подходил по возрасту, но еще и жену, несмотря на ворчание таких же, как и он, мужиков-переселенцев о том, что «неча бабам грамоте учиться, голову лишком забивать». Ну а Митяй все время рядышком вертелся. И даже сумел заработать пять копеек, первым бойко ответив на какой-то вопрос. Студент рассмеялся и торжественно вручил мальцу монету. Конечно, на фоне остальных членов семьи, кои за зиму заработали ажно четыре рубля и еще три гривенника, это было не шибко заметным достижением, но и Митяя-то никто в тот момент за ученика не держал... Рвение ли такое сказалось, либо еще что, но по весне их семья оказалась в числе самых первых счастливицев, которых отправили на поселение, на выделенные им земли. Так они и очутились в этом голом и пустом распадке.

Разгрузились быстро. До вечера поставили казенный шатер из толстенной мешковины, или как там называлась эта материя, и установили в нем казенную же чугунную печку. Их, после того как семья обустроится, надлежало вернуть. Либо, ежели придут в негодность, – оплатить. А стоили шатер и чугунок вместе – страшно подумать – аж сорок рублѐв! Отец по первости даже брать их не хотел. А ну как те, кто будет потом принимать, придерутся и заявят, что он сдает вещи негодные? Это ж сорок рублѐв! Но его убедили взять. Ночи-то были еще холодные, по утрам всё в инее, да и дожди здесь дюже шибкие. А ежели вообще мороз ударит? Так и помереть недолго... Два мешка угля привезли с собой. Это и составило основной скарб, загруженный на телегу землемера. Своего-то было всего ничего.

Ночью Митяй несколько раз просыпался и видел отца, неподвижно сидевшего у печки и смотревшего на огонь. Видно, опасался, что угорят... Впрочем, возможно, глава семьи не спал не только и даже не столько поэтому – он мучился вопросом, не совершил ли ошибку, сорвав семью с насиженного места и отправившись куда-то на край земли, в глухую степь. Нет, зиму-то они пережили неплохо, во всяком случае не голодно, а вот как оно теперь-то повернется...

К обеду следующего дня прибыли несколько возов с кирпичом. В каждой упряжке было по два громадных жеребца, с легкостью тянувших тяжело нагруженные телеги.

– Хозяин! – зычно окликнул главу семейства крупный мужик, ехавший на облучке первой телеги вместе с возчиком.

Митяев отец, испуганно пялившийся на возы, как услышал это обращение, тут же приосанился.

– Хозяин, вопрос тут к тебе имеется. – Мужик спрыгнул с облучка и подошел к отцу. – Никифор я, Голеватый. Артельный строительный. Ты какое подворье ладить хочешь – времянку или доброе?

Отец озадаченно почесал затылок:

– А времянка – это как?

– Ну, времянку мы тебе за три дня сварганим. И на нее вот этого кирпича, что возы привезли, вполне хватит. А ежели доброе – так нам не меньше двух недель провозиться придется. Да еще и кирпича в пять раз более на то уйдет. Зато и дом зимой промерзать не будет, и лошадей, когда сильно холодно, укутывать не надо будет. Да и вообще простоит все, пока сам перестраивать не соберешься. А времянка дай бог года три продержится. Да и промерзает она зимой дюже. В сильный мороз вокруг печки жаться будете. Зато и стоит всего ничего.

– А... это... – Отец замялся.

– Не бойся, крестьянин, – усмехнулся мужик, – твоей ссуды на доброе подворье вполне хватит. И на остальное останется. Тут такие люди всё считали – куды нам... Но тебя я спрашиваю, потому как вы у нас – первые. Остальным-то всем времянки ставить будем, а то за лето не успеем всех обустроить.

Отец еще пару мгновений раздумывал, а потом сорвал с головы старый, драный треух и жажнул его о землю.

– Давай доброе!

Первой поставили конюшню, затем – фундамент под дом, потом – сарай. Едва поставили конюшню – пришла пара возов с черепицей. Так что крышу конюшни накрыли сразу же. А как накрыли, артельный посоветовал Никодиму Евсеичу перебраться с семьей из палатки в свежестроенную конюшню. Мол, и от ветра лучше защищает, и конюшня от печки просохнет быстрее.

Как видно, тут все уже было отработано, потому что не прошло и трех дней после того, как они заселились в конюшню, а на подворье уже пригнали пару лошадей, запряженных в телегу, на которой лежал сельхозинвентарь. Все привез уже знакомый землемер.

– Вот, хозяин, принимай, что положено. И пойдем, покажу тебе, где твоя земля кончается. Завтра приедет агроном, скажет тебе, где и что сеять, – и можешь начинать пахать.

Отец закивал. За зиму грамоте научились все, кто был старше Митяя. Кто едва-едва, а кто и вполне сносно, так что ссудный договор отец прочитал самолично. И все его условия запомнил назубок. Потому и не удивился. В ссудном договоре прямо было указано, что никакой воли в том, что сажать и сеять, здесь у них не будет, покамест они со всеми долгами не расплатятся.

Агроном приехал не на следующий день, а через три. Отец за это время лично исходил весь положенный ему клин, время от времени останавливаясь, опускаясь на колени, раздвигая короткими, заскорузлыми от мозолей пальцами пожухлую траву и подкапывая горсть-другую земли. После чего подносил ее к лицу, нюхал, прижимал к щеке, чуть ли не пробовал на вкус. Так что, когда агроном приехал, отец молча его выслушал, задал несколько вопросов, понимая кивнул, а сразу после его отъезда запряг обеих лошадей и выехал в поле. Когда он запрягал, было видно, что руки у него трясутся – за год изголодался крестьянин по пахоте-то...

Первый год пережили добро. Свежевспаханная земля, засеянная в точно рассчитанные и уже опробованные учеными сроки, да еще и отборным, специально подготовленным семенным материалом, полыхнула невиданным урожаем. Собирать урожай закончили, когда ночами уже начало прихватывать морозцем. Построенного амбара, который по весне казался излишне, просто невероятно большим, для урожая не хватило, и почти четверть собранного зерна осталась снаружи в мешках на жердях, поднятых на обломки кирпича, укрытая тем казенным шатром, где они ютились по весне. Однако по условиям ссудного договора половина урожая

уходила на покрытие ссуды, так что отец не шибко нервничал. Скоро должны были прийти возы и забрать положенное на погашение.

Вместе с возами на подворье прибыл и ветеринарный фельдшер. Он осмотрел коней, вручил отцу какую-то банку и велел мазать ее содержимым бабки, после чего подписал у отца чек и собрался откланяться.

– Это... мил человек... – остановил его отец. – Вопрос у меня имеется.

– Слушаю, – несколько недовольно отозвался фельдшер. В отличие от землемера, который любил поговорить, он был дядькой молчаливым и внешне суровым.

– А где тут ярмарки устраивают?

Фельдшер окинул отца насмешливым взглядом:

– А на что тебе?

– Ну дык... – отец сдвинул картуз на затылок, – опять же зерно продать. Рухляди прикупить, а то совсем поизносились. Живности какой...

Ветеринар усмехнулся:

– Живности, говоришь? Это тебе что, по паре коров, коз, свиней, овец и по десятку кур и гусей мало?

Отец заискивающе улыбнулся:

– Дык эта... маловато. Да-а. Зерна-то эвон сколько... и сена накопили с пара добре. Побольше прокормим. А мясо-то – оно того... подороже выйдет.

Ветеринар покачал головой:

– Ну ты и куркуль... Нет у нас пока никаких ярмарок. Какие тут ярмарки, ежели вокруг все только первый-второй год на землю сели? Но ежели тебе что из живности надобно – пиши, я заявку подам. Правда, получишь только по весне. Но ежели еще совет добрый хочешь, стакнись с соседями, и заведите маслобойку на паях. Сами договоритесь, у кого из вас она на подворье встанет. Вам же тут от подворья до подворья – верста-две много. Так что каждый день можно молоко к маслобойке свозить. Масло же и хранится долго, и стоит прилично... Что же касается рухляди – тоже пиши, и это передам. Рухлядь-то можно и ранее получить. Еще до сильных холодов.

– Да нам бы самим товар глянуть... – замялся отец.

– Негде пока глядеть, – отрезал ветеринар. – Ежели только образец в лавке при станции. Но тебе до нее неделю добираться. Да и незачем. Там пока покупать еще нечего. Они тоже только заказы собирают. Товар обещают позже подвезти. Когда с перевозкой зерна справятся.

– А прицениться? – с последней надеждой в голосе спросил отец.

Фельдшер хмыкнул и выудил у себя из сумки какую-то тощую книжицу:

– Вот, держи. Тут и цены, и размеры. И вот еще сантиметр портняжный. Обмеряйтесь. Там указано, какие размеры на больший, на средний и на меньший приходятся. Так в заявке и пиши – тулуп, мужеский, размеру среднего, ну или большого... какой тебе придется. Только быстро давай, мне еще до вечера на соседнее подворье успеть надо...

Следующие три года пролетели как один миг, поскольку были похожи один на другой. Ну, может, обновок на третье лето у них прибавилось. Митяю купили первую в его жизни новенькую рубашку (до сего дня он донашивал перешитые от старшего брата), а также красивый картуз с блестящим лаковым козырьком – на ярмарке, что стали теперь проводить раз в месяц в пристанционном поселке, коим оброс небольшой полустанок, где раньше никакие поезда вообще не останавливались. Ну, кроме тех, что приходили именно сюда, завозя заказанные по осени товары и сельхозинструменты, живность и рассаду, или вывозя передаваемые окрестными крестьянами в покрытие ссуды хлеб, овощи и скот. Митяй вместе со старшим братом поступил в школу, устроенную там же, в пристанционном поселке, где жили и местный агроном, землемер и оба фельдшера. Все новые. Старые остались на старом месте, на большой станции в неделе пути от них. Зато новые теперь навещали их подворье пару раз в месяц, в

отличие от старых, коих иногда за все лето можно было увидеть раза два, много – три. При школе была спальная изба, где к тому же и кормили. Так что отец отвозил их с братом на санях в школу в воскресенье утром, когда семьи хозяев подворий со всей округи съезжались в построенную в пристанционном поселке церкву на обедню. После Митяй с братом прощались с семьей и отправлялись к себе в комнату, где жили с еще десятью пацанами с соседних подворий всю неделю. Забирали их домой вечером в пятницу. Суббота была банным днем, а при школе бани не было.

Учиться Митяю нравилось. Тем более что учеба продолжалась с середины октября до середины апреля, прерываясь только на святки, а зимой все одно делать дома, на подворье, особенно нечего – только за скотиной ухаживать, которой набралось уже почти сорок голов. Но на третью зиму отец нанял для ухода за скотиной старого киргиза, тот и жил на скотном дворе, не испытывая никаких неудобств, а чистить стойла и выполнять какую иную работу по дому Митяй с братом приноровились по субботам. До бани. Так что не только их батя, к образованию относившийся очень положительно, но и другие хозяева, почитавшие учение дурью и пустой тратой времени, со школой в общем смирились и ничего супротив нее не имели. А что? Весной, летом и осенью, когда и есть самая страда и любые рабочие руки, даже детские, на вес золота, все на месте и при деле. А зимой – да пусть балуются...

Но в этом году, перед самым Рождеством, когда отец уже привез их с братом из школы домой на все святки, они услышали треск чудной колесницы, в которой прошедшим летом начали разезжать по подворьям агрономы и фельдшерá. Ох и чудное это было чудо! Митяй, когда его первый раз увидел, сразу сховался в овин и вылез оттуда, только когда приехавший на колеснице агроном укатил восвояси... Называлась та повозка, умеющая двигаться без лошадей и волов, – *антанабилья*...

– Привет, хозяева, – весело поздоровался, заходя в дом с мороза, уже знакомый и ставший почти родным Митяю агроном Ксаверий Петрович.

– И гостю дорожному привет, – степенно поздоровался с ним отец Митяя.

За прошедшие три года Никодим Евсеич успокоился, набрал известной уверенности в себе и теперь говорил и вел себя с большим степенством. Ну да и как иначе-то? Хозяин. Да немалый – сотня десятин земли, четыре лошади, стадо коров в восемь голов, овцы, свиньи, маслобойка на паях... И ладно, что в долгах как в шелках, – касса, с коей ссудный договор заключен, ведет себя по-честному, лишку не требует, процентом не прижимает. Так что отдадим. Никуда не денемся. И так уже четверть долга вернул, а ежели бы жилы рвал и торопился, то к сему дню с такими урожаями и половины долга не было бы. Только зачем? Лучше эдак – спокойно, преумножая хозяйство.

Мать быстро наметала на стол, отец с гостем приняли по чарке – с морозу, потом еще по одной – с устатку, после чего гость расслабился и перешел к делу, с которым приехал:

– Вот что, Никодим Евсеич, есть к тебе одно предложение. Да не от меня, а от самого великого князя.

Отец насторожился:

– От самого? Мне?

– Ну, не прямо тебе. Не уверен я, что великий князь точно знает, что живет тут, в сотне верст от Николаевска, на своем подворье Никодим Евсеич Полуянов. Но прислал он нам письмо, в коем просит обратиться к справным хозяевам, к каковым ты, сам понимаешь, точно принадлежишь, с малой просьбою... – Агроном сделал паузу, протянул руку и, ухватив стакан, отхлебнул горячего взвару. После чего продолжил: – Так вот, просит вас, крепких хозяев, благодетель ваш съездить сейчас, пока зима, к себе в родные места да рассказать бывшим землякам о своем житье-бытье. Честно. Без утайки.

Никодим на некоторое время задумался, затем спросил:

– А на что это благодетелю-то? – И поспешно добавил: – Нет, ты не подумай, Ксаверий Петрович, ежели надобно – съездим. Эт за нами не заржавеет. Только лучше б понимать, что там делать надобно.

Агроном пожал плечами:

– Ну, об этом в письме ничего не сказано, но по моему разумению дело вот в чем. Благодетель наш, великий князь Алексей Александрович, очень озабочен заселением этих земель, для чего и целую систему приема переселенцев тут обустроил. Вот вспомни, как вас тут принимали, – хоть ты и поздней осенью досюда добрался, а от морозов не помер, зиму в сытости пережил, а по весне сразу же на свою землю сел. Да не голым-босым – а с семенами, лошадьми, скотиной и домом. Ныне же, сам видишь, строительные артели прошлым летом последние времянки разбирать и дома на их месте строить закончили, да и нас, агрономов, фельдшеров теперь в округе – в достатке. Школу вон открыли, следующим летом больничку опять же строить будут. В церкви уже третий год службы идут... А те бараки, где ты первую зиму провел, второй год пустуют. Иссякли переселенцы-то. А система, чтобы переселенцев принимать и обустраивать, осталась. Не хотелось бы, чтоб она простаивала. Да и места эти, сам знаешь, еще заселять и заселять.

Никодим понимающе кивнул. Митяй, лежавший на печке за занавеской и подглядывавший в щелку, видел, что отцу совсем не хочется никуда ехать, но и отказаться напрочь он не решается. Как-то не по-людски это – великий князь-то свое слово сдержал, всё, что обещал, выполнил, а он, Полуянов, тут кобенится...

– Ну а кто согласится, – продолжил между тем агроном, – тому велено выписать проездной на два лица для отбытия к указанному им месту и обратно.

– Это что-сь, – вскинулся Никодим, – за билет платить не надобно будет?

– Точно, – усмехнулся агроном...

До Магнитогорска Митяй с отцом добрались за два дня. Там, как им велел агроном, когда отец согласился-таки съездить в родную деревню и разговор перешел в конкретную плоскость, обратились в лавку при крестьянской кассе, от коей они имели ссуду, и им не только вручили билет, но еще и отоварили всем, что душе было угодно. Причем по ценам на четверть меньшим, чем обычно. Такая вот скидка была положена путешествующим по письму великого князя. Чтob, стал быть, подарками да гостинцами закупиться могли. Денег у них с собой было немного, но отец уже давно бо́льшую часть вырученного от продажи своей доли урожая и приплода оставлял на личном счете в кассе, с коего и расплатился за все отобранное. После чего они с отцом, изрядно отягощенные гостинцами, отбыли на вокзал, а затем – подумать страшно! – в самую Москву.

В свою бывшую деревеньку Полуяновы въехали на десятый день после того, как покинули Магнитогорск. Митяй, сидя под неизменным одеялом на попутных санях, владелец которых, будучи из соседней деревни, за двугривенный согласился сделать крюк и забросить их куда надобно, во все глаза пялился на окружающий пейзаж. И кое-что вспоминал. Хотя смотрел на эти покосившиеся, заваленные снегом домишки с некоторым удивлением. Ну никак они были не похожи на их обширное подворье с большим домом, баней, скотным двором, овчарней, амбаром, ледником и иными дворовыми постройками. Да как же тут люди-то живут?!..

У третьего от околицы дома Никодим спрыгнул с саней, отдал вознице двугривенный, который тот сразу же попробовал на зуб, сгрузил два баула с гостинцами и новомодный в их краях фибровый чемодан, купленный опять же на четверть дешевле в той самой лавке при кассе, после чего, громко хлопнув калиткой, весело закричал:

– Эй, кум, гостей примешь?!

Дальнейшее отложилось в памяти у Митяя как сплошная суматоха, во время которой его все время тормозили, куда-то тащили, гладили по голове, что-то совали в руки или в рот,

так что осознал он себя уже на печи, где устроился с двумя сыновьями хозяина дома, братьями-погодками, младший из которых был на полгода старше его. И вот там уж Митяй развернулся вовсю, рассказывая пацанам о своем житье-бытье, которое отсюда, из этой дальней тверской деревушки, смотрелось куда как красочно. Ну еще бы – и свое подворье, и с агрономом ручкаются, и сам великий князь письмо прислал, а главное – *антанабиля*! Рассказом о ней Митяй и закончил свое повествование, посасывая петушка на палочке, из тех, что отец накупил еще в Твери, на вокзале, в качестве гостинцев, а ныне роздал всем детям, не обойдя и родного сына. Ну, чтоб Митяю не обидно было, а также вследствие того, что детей у кума оказалось на одного меньше. Младший сынок – в этом году ему должно было исполниться пять лет – о прошлой зиме помер.

– А чегой-то я не понял, – недоверчиво произнес старший из погодков, – что это за такая самая антанабиля?

– А повозка такая, что без лошадей ездит.

– Врешь!

– Вот те крест! – размашисто перекрестился Митяй.

Братья переглянулись, потом старший снова недоверчиво спросил:

– Как это можно-то, без лошадей-то?

Митяй снисходительно улыбнулся:

– А тама такая вещь стоит – мотора называется. Туда всякого керосину, от которого лампы горят, льют, он в моторе той самой горит и от этого огня колеса крутятся.

Погодки снова недоуменно переглянулись.

– А повозка от того огня, что, не горит?

– Не-а. Только шумит громко и воняет дюже.

– Врешь!

– Вот те крест! – снова перекрестился Митяй и мечтательно добавил: – Я, как подрасту, в город поеду – на энтого... на механика учиться пойду.

– На кого?

– На механика, – снисходительно повторил Митяй, чувствуя себя намного более умным и знающим, нежели два его собеседника из этой глухой тверской деревушки, пусть они и старше.

– Механики – это те, которые за этой самой антанабилей смотрят. Ну навроде как конюхи за лошадьми.

Братья переглянулись в очередной раз, после чего младший насмешливо протянул:

– Так тебя батяня и отпустит!

– Отпустит, – уверенно заявил Митяй, потом подумал, насупился и добавил: – А не отпустит – сам сбегу! От нас до станции всего-то двенадцать верст. За ночь пробежать можно. А там кажин день составы до Магнитогорска идут с углем. Доберусь – и уеду.

На этот раз братья переглянулись уже с уважением и ясно читаемой во взглядах завистью. Им-то до станции было пилить и пилить. Да и незачем им ехать – таких чудес, как волшебная повозка, именуемая антанабилей, никто поблизости не видел. Впрочем, что там оно было в большом мире, братья и не догадывались. Даже в ближайшем к ним городке Весьегонске никто из них не был, чего уж говорить о чем-то более отдаленном...

За столом же, за которым собралось едва не полдеревни, между тем шла своим чередом беседа взрослых. Отец Митяя, небрежно откинувшись на лавке и опершись спиной о стену, степенно окунул гречишный блин в домашнюю сметану и отправил его в рот. Степенно, потому как ясно давал понять окружающим, что совсем не голоден, но хозяйскую закуску уважает. Тем более что закуску поглощалась аккуратно под привезенную им четверть «казенной». Да еще какой! Самой что ни на есть «княжеской» – очищенной, на меду и с перцем. Причем сам энто красненький перчик наличествовал, скромно лежа на дне четверти, в количестве полудюжины штук,

как бы подтверждая, что все по-честному и название соответствует содержанию. Из самого Магнитогорска земляк флягу привез. Уважил. Понимать надо!

– Так, говоришь, сколько у тебя землицы-то? – снова задал вопрос Ануфрий, крепкий, кражистый мужчина сорок годов от роду, приходившийся кумом Никодиму.

– Сто десятин, – степенно отозвался отец Митяя, дожевав гречишный блин и аккуратно отерев рукой бороду и усы.

Собравшаяся за столом честная компания промолчала, переваривая ответ.

– И все твои? – подал голос еще кто-то.

– А то ж!

На сей раз пауза оказалась еще длиннее, чем при первом упоминании этой цифры. Это было невероятно, немислимо. Здесь, в Тверской губернии, достойным наделом считались три десятины на семью, кто же владел пятью, что означало, что он «прибрал» себе либо купчей, либо чаще всего арендованной у помещика земельки, – уже слыл зажиточным. А тут в *двадцать* раз больше?!

– А лошадей у тебя сколько?

– Да четыре ноне. Три – битюги, а один – немчиновой породы. Как фершал ветеринарный говорит, першалон именуется, – степенно отозвался гость и с деланой озабоченностью вздохнул: – Овса жрать – жуть просто сколько, зато за один ден тройным плугом ажно три десятины прохожу.

Присутствующие переглянулись. Нет, ну надо ж как поднялся земляк-то – лошадей овсом кормит! Да и лошади-то какие... Что такое немецкий «першалон» – никто здесь не знал, но вот о битюгах Хреновского завода были наслышаны. Лошадь дорогая и силы неимоверной. Не рысак, конечно, но для крестьянского хозяйства – самое то. Да только такого, как обычную крестьянскую лошадку, сеном точно не прокормишь.

– А с чего это ты так разжился-то, Никодим? – наконец задал мучивший всех вопрос кум.

– А ссуду взял, – не стал тянуть всем нервы многозначительным молчанием бывший земляк.

– Ссу-уду! – разочарованно протянули все сидящие за столом.

Ссуда – это понятно, это знакомо. О ссуде все слышали. Да что там слышали – многие и брали. У соседа, у помещика, у мельника. А еще говорили, что в Твери вон даже банк специальный объявился. Крестьянский. Так у него тоже вроде бы взять можно.

– И под какую долю? – поинтересовался кум, слегка расправивший плечи. Ссуда-то – оно, конечно, хорошо, да только занимаешь чужие, а отдавать-то приходится свои, кровные, по́том и жилами заработанные. Так что собравшийся за столом народ слегка расслабился. По сказкам-то у бывшего земляка все вроде складно, от зависти ажно живот сводит, да вишь как оно обернулось-то. По всему выходит – не его это богатство, никак не его, покамест ссуду не отдаст. А отдаст ли, нет – Бог то ведает, человеку же, жизнь повидавшему, лишь гадать приходится, на жизненный опыт опираясь. Жизненный опыт же прямо вещал, что ссуду земляку нипочем не отдать...

– Под двадцать пятую.

– Эх ты! – невольно охнул Ануфрий.

А народ за столом пораженно замолк. Ну да и то, у помещика или зажиточного соседа Никифора можно было занять токмо под пятую долю занятого в год, а мельник вообще драл четверть. А тут такой фарт!

– И где ж под столько занимают-то?

– Да в княжьей крестьянской кассе.

Все переглянулись.

– А чевой-то у нас никто про енту самую кассу и не слышало ничего? – подал голос Дедюня, не являвшийся ни кумом, ни сватом, ни каким иным родственником ни одному из

собравшихся, да и в друзьях ни у кого не числившийся, но без него, так или иначе, не проходило ни одной гулянки во всей деревне. Как ему это удавалось – никто из мужиков объяснить не мог. Вроде не звали, более того, кто иной и вообще побить обещался, а всё одно через некоторое время – глядь, а он тут как тут, сидит на лавке да свою чарку под питье подставляет. Ну бывают такие люди на свете, кому ничего особенно-то не удастся, но как где выпить да закусить – никак от них не отвяжешься.

– Так у вас ее и нетути, – отозвался бывший земляк и, потянувшись к четверти, ухватил ее обеими руками и неторопливо, степенно опять же, как и положено солидному человеку, разлил «казенную» по разномастной посуде. – Ну, спаси Господь! – солидно возгласил он, после чего опрокинул в себя очередную порцию и потянулся за новым блином.

Все последовали его примеру.

– А вот скажи, кум, – задумчиво произнес хозяин дома, хрустя моченым яблоком, – много ль занял-то?

– Тышшу рублёв, – отвечивал гость под слитный вздох всех сидевших за столом.

Такие деньжищи всем тут и представить себе было страшно. Не говоря уж о том, чтобы их занять. Да и кто им столько дал бы? Да и полстолька, и четверть столько. И во много-много раз менее тоже. Максимум, сколько кое-кому из присутствующих приходилось занимать, – это пять-шесть рублёв. Семян там прикупить, струмент какой не вовремя сломавшийся справить... И то отдавать их было дюже как трудно. А тут – тышша!

– Токмо я их и не видел, считай. В руки-то всего десять рублёв дали, – продолжил Никодим, – остальное семенами получил, струментом, конями, кирпичом. Конную сеялку справил, сенокосилку опять же, плуги, бороны. Опять же каменщики, что дом строили, из энтих денег оплату получали. За фершала ветеринарного оттуда же оплата идет, за агронома, за учителя.

– Так у тебя что, и дом каменный? – удивился Ануфрий.

– Ну да, – недоуменно кивнул гость, – а там деревянных-то и нету. Лёса-то почитай и нет совсем. То есть ныне-то уже есть, но не лес, а энти... лесополосы.

– Хтось?

Никодим терпеливо пояснил:

– У нас-то, по ссудному договору, положено все точно как агроном и фершал ветеринарный говорят делать. Сеять, что велят и столько, сколько велят.

– Это чтой-то, совсем крестьянину никакой воли нетути? – насупился Ануфрий.

Бывший земляк окинул его снисходительным взглядом, будто тот сморозил что-то совсем уж непотребное, но ерничать не стал:

– Так это ж мне выгодно. Агроном же все по делу, по науке советует. Опять же семена через него закупаю. Вот, скажем, у вас тут в лучшие годы едва сам-семь выходит, а у меня все три года сам-тридцать...

И вновь над столом взвился удивленный гомон, а в твердокаменных крестьянских головах с грохотом защелкали костяшки счетов. Урожай сам-тридцать, да с сотни десятин, да по десять копеек пуд – это ж о-о-ой... Но гость слегка скорректировал эти расчеты.

– Да вы не думайте мужики, – усмехаясь, произнес Никодим, – у меня засеяно токмо пятьдесят десятин, да и не все хлебом. Гречей вон засеваю, опять же горох сею, свеклу и под паром много землицы лежит. Треть почитай. Остальное под подворьем и огородом. Ну и неудобья имеются. Да и семян шибко много не дают.

– А чего своим-то зерном не сеешь?

– Да пробовал у нас в уезде один, так едва-едва самдвадцать вытянул. Токмо те, что через агронома покупаем, добрый урожай дают. – Тут гость слегка посмурнел, вздохнул: – Да и никак иначе-то нельзя. Эвон у нас в соседнем уезде один вздумал было агронома не послушать. По-своему все сделал – не стал чересполосицей засеивать, с паром перемежая, как агроном велел, а всё сплошь посеял. На клевер вообще ни клинышка не отвел. Да и лесополосу не посадил

сколько указано. Так его быстро за шкурку, десять рублей в зубы и взащей с подворья. Оно же у княжьей кассы в залоге. Покамест долга не отдадим – все не наше. А все, что он за тот год, что на хуторе ломался, заработал – в возмещение ушло. – Никодим опять вздохнул. – Год хутор без хозяина стоял. А ноне там новый хозяин обживается.

Народ за столом, уже начавший прикидывать, как по весне рванет в эти обетованные места, где текут молочные реки с кисельными берегами, а у каждого крестьянина свой каменный дом, несколько лошадей, сеялки, веялки и конные косилки, снова задумался.

– Но ежели ссудный договор в точности соблюдать – так все нормально, – закончил бывший земляк. – С урожая в возмещение токмо половину берут, и с приплоду тож. Остальное твое – трать, как сам пожелаешь. Кто ссуду побыстрее гасит, кто себе еще живности, инструмента покупает. У кого работных рук поболее, так землицы себе еще в аренду прирезает. А кто себе уже и дом побольше ладить начал.

– А чегой-то ты там про лесополосу глаголил?

– Так степь у нас там, – пояснил гость, – ветра бывают – жуть какие. Ежели лес не сажать, вообще зерно сдуть может, прежде чем оно примется. Так что кажин год нам агроном наряд дает, где и каких деревьев высаживать.

– За свой кошт?

– Да не, ежели с усердием да умением те сажены, что агроном выделил, посадить, то оне бесплатно обходятся. А вот ежели какие не приживутся, так те – да, за свой кошт прикупать приходится. – Никодим снова повздыхал. – По первости чуть не треть пересаживать приходилось, но нынче уже приноровились. В этом годе, даст Бог, не более двадцатой части пересаживать будем. Остальные навроде как прижились.

– Эк вас там, – хмыкнул хозяин дома, – примучивают.

– Так свою ж землицу от ветров бороним, – пожал плечами Никодим.

– Да покамест не свою, – сварливо влез Дедюня. – А ну как тебя завтрава взащей с твоего хутора, как энтого, о котором ты глаголил. И вообще, чегой-то мы, мужики, насухую сидим? Нешто выпить неча?

– А за что это меня взащей, – удивился бывший земляк, послушно разливая «казенную», – ежели я все по ссудному договору делаю?

– А ну как неурожай какой и ты положенных кассе денег не отдашь?

Никодим расплылся в улыбке:

– Так в договоре все указано. Ежели недород большой и вообще меньше сам-десять урожай вышел, так с нас никто ничего брать не будет. И никакой пени не положено. Всё на будущий год переходит.

– Ишь ты, – изумленно отозвался Ануфрий, – как у вас все складно да ладно выходит. А токмо я отсель никуды все одно не поеду. У меня тут хоть и не твои сто десятин, а всего пять, но оне уж совсем мои. И из избы моей меня никто взащей не выкинет. Вот так-то, земляк.

И все сидевшие за столом поддержали его одобрительным гомоном, не заметив, что гость улыбнулся в бороду. Он своих земляков знал как облупленных. Стронуть их с места, пока не припекло, – оно, конечно, сложно. Но можно. Его рассказ у каждого в башке засел накрепко. Как гвоздь. Так что похорохорятся они сегодня, а завтрава сызнава к нему прибегут да опять расспрашивать примутся. А у него еще на дне щегольского чемодана лежит конверт с десятком фотографий, что ему в лавке вручили вместе с билетом. А на фотографиях – образцовые подворья. Все шесть. Ой не устоят мужики... Не устоят! Не все, конечно, но одного-двоих его рассказы с места сдернут. А еще слухи и по соседним деревням пойдут. Короче, благодетель будет доволен тем, как он его просьбу выполнил. Точно.

Глава 3

– И что, сколько процентов рынка они у нас оттяпали?

– Шестнадцать, – мрачно доложил Гоорт Грауль.

Я покачал головой. Ли-ихо. Согласно докладу Канарева, на момент моего отплытия из Санкт-Петербурга новая Трансваальская оптово-розничная компания только организовывалась, а к моменту прибытия на юг Африки они уже отхватили шестую часть рынка. С учетом того, что абсолютной монополии у нас не было года с 1893-го, когда в Трансваале стали появляться английские, немецкие, французские, голландские и бельгийские компании, получалось, что в данное время мы контролируем всего лишь где-то пятьдесят семь процентов рынка... Да уж, лихо начали ребята. Ну да они считай представляют все руководство страны. Еще бы им не развернуться...

До Трансваала я добрался только сейчас, к середине декабря 1895 года. Уж больно много хлопот было дома. Сразу после коронации Николая я снова уехал в Магнитогорск, где скопилось дел на вагон и маленькую тележку. Из девятнадцати запланированных к строительству заводов одиннадцать уже работали. Остальные активно строились. И среди них были четыре военных – пороховой, снарядный, по производству стрелкового оружия и артиллерийский. Мне нужна была база, способная в кратчайшие сроки провести перевооружение русской армии, а затем обеспечить оную всем необходимым в мировой войне. Дабы не требовалось покупать необходимое за золото у союзников. Пусть лучше русское золото работает здесь, в стране и на нас самих. А имеющихся мощностей казенных предприятий для подобной задачи было совершенно недостаточно. Хотя я как начальник ГАУ и в них вкладывался активно. Вот только выделяемых на это военным министерством денег было слишком мало. Свои же деньги я в это дело вкладывать не собирался. И не потому, что я жадный или у меня изменились жизненные приоритеты, а просто если России нужна стабильно и эффективно работающая военная промышленность, механизмы ее финансирования и развития должны быть выстроены абсолютно объективно и независимо от воли конкретных личностей. Ибо личности – фигуры случайные. А ну как помрут – так что, военная промышленность полностью остановится? Поэтому переоснащение заводов происходило строго на государственные средства... ну и частично на заработанные самими заводами. Нынче почти три четверти продукции заводов, производящих стрелковое оружие и патроны, прямиком шли на экспорт. В первую очередь в Трансвааль, но также и в Португалию, Латинскую Америку, Сиама, а в портфеле были заказы и еще от нескольких стран. Новые русские магазинные винтовки конструкции Мосина шли на внешнем рынке на ура. Правда, сама русская армия ими пока перевооружалась весьма медленно, в связи с чем у меня были постоянные напряжения в общении с военным министром Ванновским. Нет, в принципе он, конечно, был прав – прежде всего следовало перевооружить собственную армию. Но... до Русско-японской войны оставалось еще почти десять лет, начаться раньше она вряд ли могла: не успеют японцы перевооружиться, никак не успеют. А ни с кем больше мы до того времени не воевали. Хотя абсолютных гарантий никто дать, естественно, не мог. История-то уже совсем по-другому идет. И промышленный потенциал России к настоящему моменту едва ли не на четверть выше, и супруга у молодого императора не та, и флот у нас не такой, какой был у Российской империи в известной мне истории. По мощности залпа и водоизмещению, возможно, и поменьше будет, я ж строительство броненосцев и броненосных крейсеров прекратил, пока верфи технологии сборки не отработают. А с другой стороны – может, и нет. Ежели в *той* истории адмиралы свои «таранные» корабли все ж-таки продавили, то мои-то всяко сильнее будут. Раза в полтора...

Однако, поскольку я изо всех сил старался во внешнюю политику не лезть, была у меня надежда, что там пока все идет более или менее по проторенной дорожке. С французами дру-

жим; с немцами тоже еще окончательно не рассорились; австрийцы нас не любят, вероятно ничуть не сильнее, чем в другой истории. Англичане – это да, зубами щелкают куда громче. Но они в одиночку либо с таким слабым союзником, как Австро-Венгрия, на нас по-серьезному не попрут. А более никто за них при современном состоянии дел не подпишется. Да и насчет того, что австрийцы подпишутся, – далеко не факт. Так что все шансы за то, что англичане по своей извечной привычке попытаются делать нам пакости исподтишка, а если в открытую – то чужими руками. В подспорье же у них пока никто, кроме японцев, не просматривается, а тем еще до того уровня, чтоб на нас наехать, – расти и расти. Впрочем, и японцы, как мне доносили, тоже пока не особенно жаждут к англичанам в помощники идти. Нет у них пока ни особенной любви ко всему британскому, ни большой ненависти к нам, русским. Вот я и гнал на правах начальника ГАУ новейшие русские винтовки за границу, используя заработанные на этих поставках средства на переоснащение казенных оружейных заводов и выводя их производительность на новый уровень. Даст бог, году к 1897-му, если все будет нормально, техническое перевооружение Тульского, Сестрорецкого и Ижевского оружейных заводов закончится и они выйдут на такой уровень, что, если присовокупить еще ввод в строй моего собственного завода, мы сможем закончить перевооружение армии всего за пару лет. А потом приступим к накоплению мобилизационных запасов. Для войны с Японией даже в страшном сне нам никакая мобилизация не потребуется – армии мирного времени вполне хватит. Ну максимум – частичный призыв резервистов в восточных округах. А для них вооружение к 1904-му будет. Вернее, даже к 1902-му. Не позднее. Да и русских людишек на Дальнем Востоке к тому моменту будет заметно больше, чем в той истории, которую я знал. А вот у японцев, наоборот, финансовые проблемы обостряются. Потому что теперь их рыбакам приходится платить за право вылова рыбы у русского побережья Японского и в русской части Охотского морей. Что они делают довольно аккуратно. А куда деваться, если их браконьеров всюю гоняет наша Тихоокеанская эскадра? Всё одно она в основном состоит из донельзя устаревших кораблей, винтовых клиперов типа «Крейсер» постройки 1875 года да иных похожих, которые я собрал и отправил на Дальний Восток, и ни на что более серьезное по большому счету не годится. Вот и плавает эскадра до износа машин и корпуса, заодно тренируя экипажи. Все равно году к 98-му эти корабли надобно будет списывать и экипажи переводить на новые. Те же крейсера «золотой» и последующих серий туда и отрядим. Оставим штуки по четыре на Балтийском и Черноморском флотах, а остальные – туда. Большим эскадрам в запертых лужах Балтики и Черного моря делать особенно нечего. А вот на Дальнем Востоке – вполне есть где развернуться.

Так что сейчас японцам приходилось изрядно отстегивать нам за право на рыболовство в наших территориальных водах, что, естественно, снижало их доходы и повышало наши. За счет этих их выплат, а также реализации задержанных клиперами японских браконьерских судов в казну ежегодно поступало дополнительно до пяти миллионов рублей. И львиная доля этих средств оставалась в распоряжении приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Духовского, с которым у меня был очень добрый контакт. Чрезвычайно энергичный был дядька и деятельный. Приезжал даже ко мне в Магнитогорск, не столько посмотреть на передовую промышленность, сколько поинтересоваться моим опытом в реализации переселенческой программы... Ну, передовым я бы свой опыт не назвал, но кое-что Духовский для себя полезным считал. И сейчас всюю сманивал крестьян из центральных губерний на вольные земли Приамурья и Приморья. До моих темпов ему, конечно, было далеко, но тысяч по тридцать – тридцать пять душ в год он у себя на землю сажал.

Да и Владивосток строился куда более быстрыми темпами. Во всяком случае, полноценная верфь, способная строить корабли водоизмещением до трех тысяч тонн, там должна была появиться уже в следующем году. Даже без моей помощи. И я планировал использовать ее для строительства эсминцев или, как здесь их еще называли, истребителей миноносцев, проект которых сейчас тщательно дорабатывали, испытывая как масштабные модели, так и

отдельные образцы машин и механизмов. Хотя, на мой взгляд, они больше тянули именно на эсминцы, поскольку, кроме артиллерийского и торпедного вооружения, несли на себе еще и минное. Причем постройка мин у них была механизирована с использованием разработок лейтенанта Степанова, предложившего проект специализированного корабля, названного им минным заградителем⁹.

Я про такие корабли ничего не помнил, поэтому с ходу на него окрысился. На кой хрен нам специальные минные заградители, если, как я смутно припоминал, эсминцы вполне себе нормально осуществляют минные постановки? Но – упс! – оказалось, никаких эсминцев еще не существует, а минными постановками во всех флотах мира занимаются все корабли – от миноносцев до броненосцев. Вот только как они это делают! Сначала корабль должен застопорить машины, потом спустить на воду специальный минный плотик, а уже на него – мину с помощью кран-балки. После чего плотик (часто даже веслами!) выводится в точку установки мины, с него замеряется глубина, в соответствии с которой вручную устанавливается длина якорного троса, а затем, опять же вручную, мина сталкивается в воду. Всё – после часа геморроя мина установлена и можно грести к броненосцу или крейсеру за следующей¹⁰.

Когда у меня прошла оторопь от столь передового и обалдеть какого суперэффективного способа действий, я срочно затребовал проект Степанова и вызвал к себе Кутейникова, коему и поставил задачу разработать проект крупного мореходного миноносца, способного при необходимости осуществить быструю механизированную установку сотни-полтора мин. Задача была нетривиальной, а вернее, в поставленных условиях просто невыполнимой. Минные галереи в корабль с таким водоизмещением не влезали, сколько инженеры над этим ни бились. А корабль, рассчитанный под работу с минными галереями, никаким образом не мог называться миноносцем. Да и военным кораблем я его не назвал бы. Скорее, страшнообразным убоищем водоизмещением почти в четыре тысячи тонн и с весьма посредственной скоростью хода. Попытки урезать понемножку и там, и там привели к тому, что получившийся проект оказался почти без артиллерии, с запасом мин всего в пятьдесят штук и без каких бы то ни было преимуществ даже перед номерными миноносцами.

Я уже готов был свернуть проект, но всё решили два момента. Во-первых, я вспомнил словосочетание «минные рельсы». И во-вторых, было принято решение разрабатывать все в комплексе – и сам корабль, и мины, и способы их постановки, адаптируя под задачи. После чего дело потихоньку сдвинулось с места, и к настоящему моменту эскизный проект был уже почти готов. У нас получился корабль водоизмещением слегка за тысячу тонн, с четырьмя орудиями калибра семьдесят пять – сто семь миллиметров (с этим еще не определились), с парой двухтрубных торпедных аппаратов под новый, принятый в качестве стандартного для русского флота калибр «мин Уайтхеда» – четыреста шестьдесят миллиметров – и двумя минными рельсами, протянувшимися вдоль бортов к корме, на каждом из которых можно было установить по сорок шесть новых сферических гальваноударных мин на минных тележках-якорях конструкции лейтенанта Погребельцева, имеющих заряд в четыре пуда пироксилина. Впрочем, пироксилин использовался только на экспериментальных образцах, серийные должны были снаряжаться тринитротолуолом. Под рельсами была протянута цепь с приводом от вала отбора мощности и редуктора. Причем, поскольку постройка мин могла осуществляться только при скорости хода до десяти узлов и, соответственно, вне видимости противника, удалось добиться

⁹ На самом деле построенный по идеям лейтенанта В. А. Степанова минный заградитель «Амур» оказался самым эффективным в боевом отношении кораблем первой Тихоокеанской эскадры, потому что на установленной им минной банке подорвались и затонули два японских броненосца. И минные заградители входили в состав многих флотов мира до конца Второй мировой войны. А в некоторых даже были флагманами. Но главному герою, с его артиллерийско-бизнесовым опытом жизни, простительно этого не знать.

¹⁰ Конечно, существовали и минные плоты с паровым приводом и примитивными кранами, но они были принадлежностью крупных кораблей либо вообще относились к ВМБ.

вполне приемлемой численности экипажа, за счет того что при постановке мин их подготовку и обслуживание осуществлял состав артиллерийских и торпедных расчетов. Ну и то, что в качестве двигательной установки на этих кораблях должны были использоваться паровые турбины с нефтяным отоплением, также сему изрядно поспособствовало. Одних кочегаров потребовалось на десять человек меньше, чем при угольном отоплении котлов. Ну а как бонус шло то, что без мин на минные рельсы ставилась пара двадцатиместных баркасов, их спуск на воду осуществлялся благодаря тем же легким кран-балкам, с помощью которых на минные рельсы устанавливались мины. Это позволяло использовать истребители миноносцев и в десантных операциях. По прикидкам, на эсминец могло вместиться около роты десантников. Правда, доставить их можно было недалеко и при не слишком сильном волнении. Ну да и на том спасибо...

В Магнитогорске я проторчал почти полтора месяца. И основные напряжения у меня на этот раз были связаны не столько со строительством и разворачиванием производства на моих предприятиях, сколько... со взаимоотношениями с отдельными инженерами и предпринимателями, которых я сам в свое время втянул в бизнес. Сейчас они уже оперились, подзаработали денег и начали оглядываться по сторонам, решая, как бы им избавиться от опеки и стать совершенно самостоятельными. Самая сложная ситуация сложилась во взаимоотношениях с Теслой – он, как выяснилось, обладал невероятным честолюбием и уже успел развернуться по полной. В Магнитогорске Тесла владел не только частью капитала гидроэнергетической компании, сосредоточив в своих руках уже треть ее акций, но еще и двумя заводами по производству проводов и электрического кабеля, а также электрического оборудования, которые он построил на взятые у меня льготные кредиты. К тому же он имел долю в предприятиях по производству электрогенераторов и активно лез в капитал «Уральского каскада» – серии гидроэнергетических станций, которые в настоящий момент строились на реке Урал и были предназначены не столько даже для выработки электричества, сколько для создания условий для судоходства на реке Урал вплоть до Магнитогорска. Проект был затратный и не особенно финансово эффективный, но если учесть, что, кроме всего прочего, он имел еще и демографическую задачу по привлечению в эти места русского населения, а также созданию здесь достаточных запасов воды для повышения эффективности и снижения рисков земледелия, я финансировал его недрогнувшей рукой.

Вообще, американский опыт сильно повлиял на Теслу. Если подавляющее большинство инженеров, которых я привлекал – не только русских, но и немцев, чехов, бельгийцев, французов, – все-таки относились ко мне с пиететом, в глазах Теслы я был всего лишь кем-то вроде Джона Дэвиса Рокфеллера или Джона Пирпонта Моргана. То есть в лучшем случае старшим партнером, а то и конкурентом. Поэтому Кац время от времени прибегал ко мне с жалобой на «этого разбойника»... Но никаких санкций я к Тесле применять не собирался. Еще не дай бог уедет из России. А мне такой Тесла, какой у нас тут получился – то есть не только талантливый инженер и изобретатель, но еще и довольно богатый делец и предприниматель, – нигде, кроме как в России, был не нужен. Пусть здесь работает, на благо страны, а не где-то там, против нее...

С Теслой мы пообщались несколько раз за эти полтора месяца, после чего я сделал ему предложение, от которого он, если уж вспоминать «Крестного отца», отказаться вполне мог, но все-таки после серьезных раздумий его принял. Я предложил ему сосредоточиться на том, чтобы стать монополистом в производстве продукта, который в настоящий момент в мире производился в мизерных количествах, но имел серьезнейшие рыночные перспективы. А именно – алюминия. Если учесть, что в покинутое мною время самым распространенным способом получения алюминия являлся электролизный, требующий огромных затрат энергии, Тесла подходил для организации такого производства больше, чем кто бы то ни было. Уж в электричестве он разбирался едва ли не лучше всех в мире. И я предложил ему построить алюминиевый комбинат и большую гидроэлектрическую станцию для него в районе Красноярска – там имелись и богатые залежи бокситов, и река Енисей, на которой можно было устроить могу-

чую гидроэлектростанцию, опыт сооружения и эксплуатации каковых у Теслы уже имелся. Я же обещал ему полную организационную и значительную финансовую поддержку. В случае успеха, в котором ни я, ни Тесла не сомневались, он становился не одним из младших партнеров великого князя Алексея Александровича (о котором уже ходили легенды, что он чуть ли не реинкарнация царя Мидаса и что буквально все, чего он ни коснется, превращается в золото), а вполне себе самостоятельной и влиятельной фигурой. Причем как в России, так и в мире. Это заметно сняло напряженность в наших с Николой отношениях, зато побудило еще несколько серьезных фигур среди моего персонала высшего уровня обратиться ко мне с просьбой о содействии в разворачивании их собственных проектов. Желавшие нашлись не только среди русских подданных, но и среди нанятых мною иностранцев, решивших попытать счастья в пределах огромной и, как им казалось отсюда, из Магнитогорска, бурно развивающейся России. Что ж, хотя и было жаль их отпускать, но ничего другого я не ожидал. Большинство из волевых, амбициозных и умных людей, то есть как раз таких, которые и способны успешно продвинуть наиболее сложные и прорывные проекты, рано или поздно решают покинуть привычную нишу наемного работника и начать собственное дело. Не все, конечно, но большинство. И удачи им в этом. Пусть в России возникнет как можно больше новых производств, возглавляемых талантливыми руководителями. Это только усилит страну. Для чего и работаю, в конце концов... Тем более что я уже знал, кем заменить уходящих.

Программа Общества вспомоществования в получении образования сиротам и детям из бедных семей уже охватывала более одиннадцати тысяч человек, так что количество молодых русских инженеров, химиков, оптиков, металлургов, архитекторов, ежегодно вливающихся в мои предприятия, неизменно росло. Первые же выпускники этой программы были вполне способны заменить покидающих мои проекты людей. Ну, или очень скоро станут способны. Блестящее образование, предоставленные возможности для роста и развития и бешеная мотивация отлично делали свое дело. Тот жуткий кадровый голод, с которым я начинал свои промышленные проекты, теперь остался в прошлом. Не окончательно, конечно, но во многом. К тому же теперь ко мне рвались не только питомцы этой программы, но и выпускники университетов и институтов. И выбор для должностей инженерно-технического персонала был... Теперь мне скорее не хватало специалистов среднего звена – мастеров, технологов, квалифицированных рабочих. Больше половины этих должностей у меня все еще занимали иностранцы – немцы, бельгийцы, чехи, шведы, но и русская поросль постепенно подрастала.

Переселенческая программа также двигалась довольно успешно. Вокруг Магнитогорска и вдоль железнодорожных веток Магнитогорск – Николаевск – Акмолинск – Степной – Павлодар – Барнаул уже осели около полутора миллионов человек. Еще тысяч триста обустроились вдоль дороги Николаевск – Свинцовая гора, как назывался городок при руднике и медно-свинцовом обогатительном комбинате, расположенном в районе, где в мое время стоял казахский город Джезказган. В настоящий момент переселенческая программа полностью перешла на самофинансирование. То есть прием новых переселенцев осуществлялся за счет тех сумм, которые выплачивались уже принятыми ранее и посаженными на землю крестьянами в погашение полученных ими ссуд. Нет, девяносто процентов первоначальных расходов я не вернул и не верну уже никогда, но вот текущие закрывались вполне себе нормально. Даже с запасом. Поток поселенцев, утихший на второй-третий год программы, теперь, после кое-каких принятых мною мер, снова набрал силу и составлял около трехсот тысяч душ в год.

Кстати, Магнитогорском мои поездки теперь не ограничивались. И дело было не в одних переселенцах. Мои заводы нынче располагались не только в Магнитогорске, но и в других городах. Например, в Николаевске был возведен медеплавильный. В Павлодаре – завод строительных и мостовых конструкций, который поставили именно там, поскольку в ближайшие десять лет его основным рынком все равно будет Транссиб. Завод же сельскохозяйственного оборудования и инвентаря построили в Акмолинске. Кроме того, сейчас на нескольких станциях

вышеупомянутых железнодорожных веток строилось аж несколько десятков достаточно крупных элеваторов самой современной конструкции, а при них еще и скотобойни, и промышленные холодильные базы, оснащенные холодильным оборудованием с компрессорами системы Карла фон Линдэ суммарной загрузкой на сто пятьдесят тысяч тонн мяса. Что позволяло полностью переработать весь отдаваемый переселенцами в счет погашения ссуды скот и не торопясь продать его на внутреннем и мировом рынках. Ставка на урожайность целинных черноземов меня не обманула, и я уже диктовал на внутреннем рынке цены на зерно, мясо и масло, да и на цены в Европе моя торговая компания также оказывала заметное влияние.

Однако большую часть времени я проторчал в Магнитогорске. Основной заботой был военно-промышленный сектор моего холдинга. С пороховым заводом все было в порядке. Он сразу строился под менделеевскую технологию пироколлоидного пороха, на который должны были в скором времени перейти и казенные пороховые заводы. Так что мы уходили от производства гигроскопичного пироксилина и переходили на более стойкий и технологичный пироколлоидий. Тем более что серной и азотной кислоты для его производства под боком было достаточно – чай металлургическое производство рядом... И к настоящему моменту на нем уже устанавливалось оборудование. На оружейном же и артиллерийском заводах еще только строились корпуса. Причем на артиллерийском одновременно со стройкой всю шли опытно-конструкторские работы.

Дело в том, что я наконец-то решил пустить в ход все свои прошлые знания и сейчас собранная мною группа молодых офицеров-артиллеристов и инженеров с технологами занималась разработкой артиллерийских орудий в рамках конкурса, объявленного мною же по праву начальника Главного артиллерийского управления. Так называемая «прогрессивная» пресса уже объявила этот конкурс фарсом, а его итоги предопределенными, но мне было на это наплевать. Ну да, мои орудия с почти стопроцентной вероятностью выиграют, но вовсе не потому, что я сам буду определять победителя, а потому что они совершенно точно будут самыми лучшими, ибо конструкторскую группу подpiraю я, опираясь на опыт следующих ста лет развития артиллерии. Пусть мой опыт неполон, не всеобъемлющ, да еще и непонятно, как его использовать при современном уровне развития технологий, но у других нет и такого. И кто что может этому противопоставить? Да и многое доступно уже сейчас. Например, та же грабинская ЗиС-3, на базе которой и разрабатывался наш начальный образец, собиралась в условиях войны руками полуголодных пацанов и женщин, то есть не слишком квалифицированного персонала, и при ее изготовлении практически не применялись высококачественные легированные стали. Вот и здесь как-нибудь приспособимся.

Кроме того, на мою победу в конкурсе должно было сработать и то, что я собирался представить не просто один-единственный образец, а... комплексную систему полевой артиллерии. В принципе конкурс проводился именно на легкую полевую пушку. Причем калибром ее был избран восьмидесятисемимиллиметровый. По поводу калибра я думал долго. Очень. В конце концов, мое решение определит магистральную дорогу развития русской артиллерии на ближайшие лет пятьдесят. Так что поразмыслить надо было крепко. Нет, не будь у меня артиллерийского образования, я бы, вероятно, особенно не задумывался. Чего тут думать-то? Самым массовым калибром полевого орудия русской армии на протяжении обеих мировых войн оставались три дюйма, то есть семьдесят шесть и две десятых миллиметра. Так что бери и пользуйся. Чем плохо-то? Самое массовое орудие во всей истории артиллерии – знаменитая грабинская ЗиС-3, которую я и избрал в качестве прототипа, – обладало именно таким калибром и отлично себя проявило. Но... скажем, осколочно-фугасный снаряд у орудия калибра восемьдесят пять миллиметров весит девять килограммов против шести с половиной у трехдюймовки и имеет в полтора раза больший заряд взрывчатого вещества. Да, больший калибр означает меньший возимый боезапас и более тяжелую конструкцию, но русские артиллеристы и до этого года, и после, например в начале Первой мировой, имели проблемы с боезапасом,

которые никак не были связаны с весом снарядов. Что же касается тяжелой конструкции, я считал вполне возможным даже с имеющимися технологиями удержать вес орудия в боевом положении в пределах одна и три – одна и четыре десятых тонны. Русская же трехдюймовка образца 1903 года, как я помнил из занятий по военной истории, весила приблизительно столько же. Так что здесь, будем считать, получается равенство. А фугасное и осколочное действие восьмидесятисемимиллиметрового снаряда куда мощнее. Тем более что, скажем, во Вторую мировую нам пришлось прямо в процессе боевых действий менять калибр и зенитных, и танковых орудий с семидесятишести– на восьмидесятипятимиллиметровый, а немцы со своим восьмидесятивосьмимиллиметровым спокойно прожили всю войну. Так чего не помочь потомкам? Разворачивать массовое производство орудийных стволов нового калибра – не очень-то тривиальная задача даже в мирное время. Вот я, основываясь на том, что главным полевым орудием русской армии в настоящий момент являлась полевая легкая пушка образца 1877 года калибром в три и сорок пять сотых дюйма, то есть восемьдесят семь миллиметров, и объявил новый конкурс на новую пушку того же калибра, но уже под унитарный патрон с бездымным порохом.

Вся система полевой артиллерии, по моим прикидкам, должна была состоять из двух дуплексов, о принципах разработки которых в это время никто пока даже не подозревал. Первый будет из двух орудий – пушки уже упоминавшегося калибра в восемьдесят семь миллиметров и максимально облегченной короткоствольной гаубицы калибром сто семь миллиметров, использующих один и тот же лафет. Эти орудия должны стать массовыми и состоять на вооружении, начиная с уровня дивизий. А может, даже и полков. Конечно, калибр сто семь миллиметров для гаубицы несколько маловат, но немцы обе мировые войны прошли со сорокатымиллиметровой гаубицей в качестве основного полевого орудия. Так что и мы справимся. Если денег хватит. Зато выигрыш в унификации лафетов получается значительный. А более крупный калибр потребует утяжеления лафета, иначе тот окажется недостаточно прочным и надежным.

Второй дуплекс также состоит из пушки, но калибром сто двадцать миллиметров, разработанной на базе морского орудия Канэ, и гаубицы калибром сто пятьдесят два миллиметра. Он предназначен для вооружения корпусной артиллерии и отдельных артполков более высокого подчинения. Все эти калибры в русской армии уже существовали, но орудия под них были очень разнотипными – от современных, образца 1877 года разработки Круппа, до переделок чуть ли не из медных гладкоствольных пушек.

Вообще, что касается условий конкурса ГАУ, на меня было вылито очередное море грязи. Сейчас все артиллерийское сообщество было буквально очаровано французской идеей «универсальной пушки». Французы предложили изничтожить разнообразие калибров полевой артиллерии и создать одну-единственную, но совершенную пушку. Легкую, скорострельную, мобильную и делающую на поле боя *все!* С одним-единственным, но совершенным снарядом, в качестве которого они выбрали шрапнель со взрывателем, устанавливаемым как «на подрыв», так и «на удар». В последнем случае шрапнельный снаряд должен был играть роль фугасного. А что, мощность используемых в артиллерии зарядов и зарядов для снаряжения снарядов с переходом на бездымные порохи резко возросла – значит, те же самые задачи, для которых ранее использовались более тяжелые пушки, можно выполнить меньшим калибром. При меньшем калибре пушка получится легче и скорострельней. За счет скорострельности же можно добиться успеха и там, где калибр будет недостаточным. А сколько выигрышей сулит возможность производства только одной пушки и одного типа снарядов! Да это просто фантастика!..

Это было то самое очень красивое, простое, всем понятное *неправильное* решение, которые все мы так любим. Но ошибочность этой концепции, как оно и произошло в известной мне истории, проявит только большая война. Пока же все умозаключения выглядели вполне убедительно. Поэтому мне пришлось выдержать чудовищный прессинг по поводу условий конкурса

на новое артиллерийское орудие. Со всех сторон раздавались голоса, призывающие меня и уменьшить калибр, и отказаться от «идиотского и устарелого разнотипья снарядов», и вообще поступить так, как делают все «цивилизованные державы». Но я выдержал...

Кроме того, я планировал через некоторое время, поближе к Первой мировой, объявить конкурс на разработку еще одного дуплекса, уже относящегося к осадной артиллерии, калибром от двухсот трех – двухсот тридцати миллиметров до двухсот восьмидесяти – трехсот десяти миллиметров и этим закрыть большую часть номенклатуры ствольной артиллерии как армии, так и флота. Если мне удастся все задуманное, самые массовые стволы армии и флота у нас будут изготавливаться на практически серийной оснастке и по относительно дешевым технологиям, что обещает снижение и стоимости, и трудоемкости производства. Да еще и на считанных серийных вариантах лафетов. А это уже обещает огромный выигрыш и по стоимости, и по скорости производства в сравнении с любой другой державой. Впрочем, изобретения в военной области никогда не оставались надолго привилегией одной страны. Если, конечно, другие страны обладали технологиями, позволяющими повторить их. Так что я не обольщался. Если и будет у России выигрыш, то ненадолго...

После возвращения из Магнитогорска я поприсутствовал на заседании Государственного совета, в котором принял участие чисто формально, а затем на два дня заперся с отцом Иоанном. Еще до смерти брата мы с племянником активно обсуждали церковную реформу, а в более широком масштабе и вообще изменение всей системы взаимоотношений между государством и религиозными организациями. В первую очередь с Русской православной церковью. В настоящий момент она являлась для империи чем-то вроде идеологического отдела КПСС, то есть государственной структурой, организационно и идеологически включенной в систему государственного управления. И финансируемой им же. Я же считал это огромным недостатком, ибо вследствие подобного подхода Русская православная церковь с течением времени неминуемо приобретала все недостатки крайне бюрократизированной, громоздкой управленческой машины империи. И полностью разделяла с ней ответственность за случившийся в 1917 году крах... Кое-какие шаги для изменения этой ситуации мы с племянником наметили, но предпринимать их, пока обер-прокурором Святейшего Синода оставался всесильный доверием к нему Александра III Победоносцев, было бесполезно. Тем более что и воззрения самого Александра III также шли вразрез с нашими мыслями. Сейчас же, когда вся полнота власти оказалась в руках Николая II, пришла пора переходить от общего планирования к конкретному, а затем и к практическим действиям. И первым из них должно было стать разворачивание общецерковной дискуссии о восстановлении поста Предстоятеля Русской православной церкви и об отделении церкви от государства. Инициатором этой дискуссии, по нашим мыслям, и должен был выступить отец Иоанн Кронштадтский.

Выслушав меня, отец Иоанн впал в некоторую задумчивость, вызванную не самой идеей – ее он полностью поддерживал, – а сомнениями в том, что ее можно воплотить в жизнь в данной ситуации. Но когда я заявил, что, несмотря на отделение, финансирование Русской православной церкви со стороны государства сохранится в прежнем объеме, Иоанн слегка воодушевился. Ибо основной проблемой для нашей идеи он считал как раз прекращение финансирования, которое напугает клир. Для меня же ключевым моментом в финансировании было именно «сохранение в прежнем объеме». Доходы казны росли, инфляция тоже не дремала (хотя ее уровень был совершенно не сравним с тем, который я оставил в покинутом мною будущем), и соответственно, рос уровень финансирования церкви. Мы же, в случае успеха реформы, его заморозим, одновременно получив и снижение государственных расходов, и дополнительный стимул для церкви перестать поживать на лаврах и активнее работать, доказывая людям свою необходимость. А то в 1917 году она рухнула вместе с государством. Я смутно припоминал, что, когда после Февральской революции для солдат отменили обязательное присутствие на

службах в полковых храмах, их посещаемость упала сразу в пять-шесть раз. Ну и куда это годится?

Затем я снова совершил забег по верфям, слегка поскрипел зубами и решился-таки запустить строительство еще одной партии крейсеров, являющихся развитием «золотой» серии. Правда, куда девать аж двадцать четыре крейсера со схожими характеристиками, я пока представить себе не мог. Но уж больно серьезные изменения должны были произойти с шестью верфями, которые сейчас занимались производством крейсеров, на следующем шаге. После скрупулезного разбора ситуации с моими ревизорами и руководством всех верфей выходило, что, сделав этот шаг, мы сможем подтянуть кораблестроение вплотную к английскому и немецкому уровню. А то и превзойти их. Во всяком случае, если производство орудий и броневых сталей достигнет нужных нам объемов, сроки строительства броненосных крейсеров, разработка проектов которых вступала в решающую стадию, сократятся едва ли не до двух лет. Броненосцев же, проект которых только разрабатывался, – максимум до двух с половиной. А что делать с такой толпой близкотипных крейсеров – сообразим. На худой конец просто заплачу в казну стоимость половины серии. Денег хватит. Хотя... есть такая поговорка: если хочешь разорить небольшую страну – подари ей крейсер. А я ведь этими двадцатью четырьмя не обойдусь. Ой, думать надо...

Последним, что я сделал перед отплытием в Трансвааль, была инспекция полка морской пехоты Черноморского флота. До Севастополя я добрался всего за три дня на личном поезде. Полк «отстрелялся» нормально, сдал и стрельбы, и марш, и десантирование, и абордажную подготовку. Это означало, что система боевой подготовки в полку отработана вполне приемлемо. Так что можно было разворачивать полки морской пехоты в Кронштадте и Севастополе в бригады, а батальон, базирующийся во Владивостоке, – в полк. Но денег на это в бюджете флота не было. Всё съедали эти чертовы крейсера, строившиеся сумасшедшими темпами...

А вот стрельбы броненосной и крейсерских дивизий Черноморского флота меня совсем не порадовали. После подсчета числа попаданий я пришел в оторопь. Уж чего-чего, а статистики у меня накоплено было достаточно, и согласно ей, процент попаданий на дистанциях эффективного огня из артиллерийских орудий главного и среднего калибра по стандартной цели с использованием системы управления огнем никак не мог быть ниже четырех с половиной процентов. Здесь же корабли показали два.

Расследование, проведенное по горячим следам, установило, что половина (!) командиров кораблей просто игнорируют электромеханические системы управления огнем производства фабрики Однера – Давыдова. Мол, главное – глаз матроса-комендора, а все эти механические штучки – генерал-адмиральская блажь...

Да-а-а, такого разноса флот, похоже, еще не видывал. Сняты были аж шесть старших командиров – от командующего флотом до двух командиров дивизий. Два адмирала были отправлены в отставку, причем один из них осмелился даже подать прошение на имя государя с нижайшей просьбой разобраться с допущенной по отношению к нему несправедливостью. Вот сволочь!

Так что на борт флагмана моей «золотой» эскадры, крейсера «Алмаз», я взошел только 6 ноября. Естественно, из-за потери времени все мои планы по пути заскочить в Бельгию, Голландию и Португалию полетели псу под хвост, и три корабля, составлявшие крейсерский отряд, двинулись сразу же в Лоренсу-Маркиш...

В Преторию Филадельфию я прибыл перед самым Рождеством, предварительно основательно разобравшись с тем, что творится в высших эшелонах власти Трансвааля, и наметив план действий. Вернее, изначально планов было несколько. Один из них, разработанный Гоортом Граулем, в случае успешной реализации обещал если не полное восстановление, то существенное увеличение доходов. Другой, предложенный Петром Горлохватовым, который нынче являлся главой моей службы безопасности в Трансваале, должен был на достаточно долгое

время обезопасить меня в этой стране от любых попыток на ходу менять правила игры и отбирать у меня бизнес. Я же выбрал третий...

Новый год в Трансваале, как, впрочем, и в большинстве стран, в конце XIX века не являлся таким уж значимым праздником, в отличие от Рождества. (А что тут праздновать-то? Подумаешь – календарь перелистнули. Так, может, и первое число каждого месяца отмечать?) Поэтому человек, появившийся на пороге моего дома 1 января, был одет совсем не празднично. Возможно, дело было в том, что он являлся фанатичным приверженцем протестантизма и не только не позволял себе, но и гневно осуждал всякие попытки как-то украшать тело и ублажать его деликатесами. Хотя против изысканного обеда я от него никаких возражений не услышал, и приготовленным моим поваром супу из сушеных грибов и телятине с картофелем и спаржей он отдал должное. А также принесенным в конце обеда дижестиву и сигарам. Как бы там ни было, когда подали коньяк и сигары, настало время переходить к серьезному разговору.

Я сделал небольшой глоток и задумчиво уставился на визави. Многим мой сегодняшний выбор собеседника показался бы удивительным. Лука Мейер был одним из влиятельнейших членов правящей партии и... одним из моих наиболее последовательных противников. Никому и в голову не пришло бы, что я способен привлечь его на свою сторону. Крюгера или там Жубера я еще мог бы попытаться переманить, но даже если бы мне это не удалось, сам факт встречи со мной им поставили бы в вину. А вот Луке Мейеру подобного обвинения бросить никто не осмелится. Он был моим врагом с момента моего появления в Трансваале. И оставался таковым до сих пор. Поэтому на личную встречу со мной согласился совершенно спокойно – для него это было нечто вроде разведки боем в стане неприятеля.

Да-а, задачка убедить его принять мои предложения – нетривиальная. Но куда деваться? Можно сказать, во многом ради этого разговора я и влез в Трансвааль. Если, конечно, вывести за скобки золото...

Гость приступил к серьезной беседе первым:

– Я, конечно, как вежливый человек должен поблагодарить вас за обед, но... не буду этого делать. В конце концов, пообедать я мог и дома. Причем той пищей, к которой привык и которую люблю. Поэтому позволю себе поинтересоваться – зачем вы хотели меня видеть?

Я мысленно поморщился. Экий он ошетинившийся! Ни обед, ни дижестив не помогли...

– Что ж, уважаемый господин Мейер, я готов перейти к делу. – Я сделал короткую паузу, а затем спросил: – Не соблаговолите ли поделиться со мной вашим видением перспектив дальнейшего развития вашего государства?

Лука Мейер насупился:

– Они достаточно просты. Мы и далее будем во славу Господа нашего обрабатывать свою землю, отвергая прелести отступивших от заветов Его.

Я усмехнулся:

– И меня вы относите к таковым?

– Да! – Ответ был прям и резок.

– А, скажем, маркиза Солсбери?

Глаза Мейера полыхнули. Да уж, англичан он ненавидел сильнее всех на свете. Однако его ответ был максимально, я бы сказал, политкорректен:

– Вы одинаковые.

– Вот как? – Я рассмеялся. – Не думал, что и я, и лорд Гаскойн-Сесил одинаково опасны для Трансвааля.

– Вы оба одинаково отвергаете заветы Господа нашего... – гневно начал Мейер, но я резко прервал его. Невежливо, грубо, даже опасно для всего дальнейшего разговора, но если я хотел, чтобы гость начал слушать то, что я ему говорю, следовало для начала вывести его из равновесия. Иначе наша беседа превратится в спор немого с глухим.

– Не передергивайте! Я говорю не об этом. Ваши усилия по организации Трансваальской оптово-розничной компании не имеют никакого отношения к заветам Господа нашего и направлены в первую очередь против меня. А Торговая компания Капстаада и Наталя, являющаяся прямым проводником интересов англичан в Трансваале, наоборот, одарена вами существенными льготами.

– А-а-а, так вот как вас зацепило! – торжествующе вскричал Мейер, но я снова прервал его:

– Мне на это плевать! Я ни в малейшей степени не намерен добиваться каких бы то ни было эксклюзивных преференций для теперь уже ставшего – вашими усилиями – практически моим единоличным Русско-Трансваальского торгово-промышленного общества по отношению к любым другим иностранным компаниям. Но я хотел бы справедливости. А также понимания вами того факта, что, как только вы выдавите меня из Трансвааля, его немедленно попытаются захватить англичане.

Мейер удивленно вскинул брови, а затем на его губах заиграла пренебрежительная усмешка. Он открыл рот, собираясь бросить мне в лицо что-то очень саркастическое, но я вновь не дал ему этого сделать:

– Однако я совершенно согласен с вами в том, что, если я останусь в Трансваале на любых, даже самых льготных условиях, это, во-первых, не остановит англичан, и во-вторых, не заставит Российскую империю прямо вступить за Трансвааль, если, или, вернее, когда англичане решат подгрести его под себя.

Мейер, уже набравший в легкие воздух, шумно выдохнул и удивленно уставился на меня. По его разумению, я только что признался в страшной лжи, которой иезуитски опутал буров, заставив их плясать под свою дудку и с которой он так долго и непримиримо боролся. Но Мейер был политиком и знал, что такой человек, как я, никогда подобных признаний не сделал бы. Даже один на один. Я же не книжный злодей, который, прежде чем убить и... съесть положительного героя, выкладывает ему все свои самые страшные тайны. А значит, если это произошло, он, Мейер, чего-то не понимает про всю ситуацию.

– Ну и какой в этом случае прок нам от того, что вы загребаете себе большую часть нашего золота? – сумрачно осведомился он спустя некоторое время, как видно, так и не придя ни к какому выводу и решив просто подождать – а ну как я проговорюсь еще о чем-то, что сможет прояснить для него положение вещей.

– Выигрыш времени, – спокойно ответил я. – Если вы выдавите меня – нападение последует немедленно, если же нет – вполне возможно, у вас есть еще десять – пятнадцать лет, чтобы лучше подготовиться.

Мейер упер в меня напряженный взгляд.

– Значит, десять – пятнадцать лет? – усмехнувшись, произнес он.

– Мне достаточно десяти, – спокойно ответил я, – после чего мне будет даже более чем достаточно быть твердо уверенным в том, что трансваальское золото не достанется англичанам.

Мейер недоверчиво качнул головой. Похоже, он совсем не ожидал от меня ничего подобного.

– Я вам не верю, – заявил он мне спустя несколько минут напряженных раздумий. – Отринувшие заветы Его никогда не отказываются от проклятого металла.

– Верить мне или нет – решать вам, – сухо отозвался я. – Я же могу в подтверждение моих слов сообщить вам, что все это время я тратил добытое здесь золото не на балы и любовниц, а на строительство у себя в стране заводов, рудников, железных дорог и переселение крестьян на новые земли. Проверить мои слова просто – обо всем, что мною сделано, широко известно у меня на родине. Пошлите кого-нибудь либо езжайте сами. Посмотрите, пощупайте. Заводы, рудники и железные дороги – это трудно не заметить... К настоящему времени они построены и приносят доход. Так что трансваальское золото мне по большому счету уже не сильно нужно.

Все свои дальнейшие планы я смогу осуществить и за счет тех денег, которые заработаю у себя в стране.

– Ну и зачем же вам десять лет?

Я пожал плечами:

– Ну... как говорят у нас в России, запас карман не тянет. К тому же эти десять лет в первую очередь нужны *вам*, а не мне. Мне же они в первую очередь потребны для того, чтобы вы смогли как следует подготовиться для встречи англичан.

Мейер насмешливо фыркнул:

– Англичане... Да в тысяча восемьсот восьмидесятом мы...

– В этот раз, – холодно прервал я его, – они привезут сюда армию, которая будет в несколько раз больше, чем все население Трансвааля и Оранжевой республики вместе взятые. С детьми и стариками.

– А чего ж они не сделали этого в...

– Золото, – кратко подвел я итог нашей дискуссии. И это был аргумент, против которого нечего было возразить. Да, во время первой англо-бурской войны трансваальское золото еще не было открыто.

Мейер снова замолчал, меряя меня испытующим взглядом.

– Значит, враг моего врага... – усмехаясь, протянул он.

– На дружбу я не претендую, – усмехнулся я в ответ, – тем более на вашу. Мои предложения не только никак не поколеблют вашего реноме как одного из самых больших и последовательных моих ненавистников, но и приведут к тому, что, несмотря на мое богатство и на то, что я обладаю многочисленным боеготовым отрядом в Трансваале, ваша страна довольно скоро станет значительно сильнее меня. Так что вы сможете контролировать то, как я буду соблюдать условия нашего с вами соглашения, опираясь на силу, а не на доверие ко мне. – Тут я снова усмехнулся. – Тем более что ничего подобного у вас ко мне и нет...

На этот раз Лука Мейер молчал долго. Очень долго. А затем нехотя произнес:

– Ладно, я выслушаю вас...

Глава 4

– Ты опять скоро уедешь? – прошептала мне в ухо Эшли.

– Да, – еле слышно отозвался я. Вопрос был риторический, но мне захотелось ответить.

– И опять надолго?

Я кивнул. Мы некоторое время помолчали, а потом Эшли оперлась на мою грудь и села на кровати, обхватив плечи руками и уставившись в окно. Я молчал.

– Я старею, – внезапно произнесла Эшли.

Я не выдержал и хмыкнул.

– Да! – Она развернулась ко мне и оглядела меня гневным взглядом. – Между прочим, мне уже тридцать три!

Я не выдержал и захихикал. Эшли несколько мгновений ошеломленно смотрела на меня. А затем схватила подушку и с яростью врезала мне по голове. Я заржал во весь голос:

– Хватит, хватит! Забьешь еще старика, как мамонта!

– Как кого? – озадаченно спросила Эшли, прекратив яростно избивать меня подушкой.

– Мамонта. Был такой зверь, – пояснил я, переводя дух. – Большой. Как слон. Только весь в шерсти.

– Никогда о таком не слышала, – после пары секунд размышлений отозвалась Эшли.

– Он давно был. А сейчас вымер. Старый был, наверное... Ну не как ты, конечно, но... Ой! Все-все, больше не буду. И вообще, это не гуманно – избивать человека, который старше тебя больше чем в полтора раза.

Эшли опустила подушку и посерьезнела.

– Ты – другое дело. И вообще, для вас, мужчин, внешность – не главное. Вы и в старости прекрасно себя чувствуете. А вот для нас, женщин, каждая морщинка – это трагедия. А у меня их уже... – Тут она оборвала свою горячую речь и погрузилась в задумчивость.

Я тоже сел, наклонился к ней и обнял ее за плечи.

– Хм, – усмехнулась она спустя некоторое время, – закатила тебе скандал как какая-то добропорядочная жена. Смешно...

– Ну, скандал – не страшно. Я вообще где-то слышал, что женщины способны сделать из ничего три вещи – прическу, салатик и скандал.

Эшли засмеялась, а я закончил:

– Главное, чтобы скандал не перерос в войну...

Тут мисс Лоутон оборвала смех и, резко отстранившись, уткнула в меня требовательный взгляд:

– Да, кстати, кое-кто обещал мне войну. Ну и где она?

– Будет, – убежденно заявил я. – Непременно будет. Потерпи еще чуть-чуть.

– Терпи-терпи... Я все время терплю. Эти твои долгие отлучки, наши редкие встречи... Ты-то там развлекаешься, ворочая своими сотнями миллионов, а я? Я так и перебиваюсь одиннадцатью миллионами долларов, которые успела заработать до встречи с тобой. Разве это честно? Поманил девушку обещаниями и совсем не торопишься их выполнять. Все вы мужчины одинаковы, – фыркнула она.

Я усмехнулся и ласково провел рукой по ее волосам. Она на мгновение прильнула ко мне, а затем скинула ноги с кровати и, вскочив, скомандовала:

– Одевайся! Уже светает.

Когда я подошел к двери (лазть в окно теперь не было необходимости), Эшли внезапно окликнула меня:

– Алексей...

Я остановился, не оборачиваясь. Что-то в ее голосе вызвало у меня большие сомнения насчет того, что я захочу ответить на вопрос, который она собирается задать, глядя ей прямо в глаза.

– Да?

– А ты не хотел бы, чтобы у нас с тобой был ребенок?

Ну я ж так и знал!

– Нет, – глухо ответил я и, распахнув дверь, вышел из комнаты.

Вот ведь женщины, всегда задают самый неудобный вопрос в самый неудобный момент. Впрочем, *этот* вопрос был для меня неудобным, пожалуй, в любой момент времени. Ну не хотел я никаких детей в преддверии тех потрясений, которые ожидали мою страну в будущем. Ну ладно, *возможно* ожидали, поскольку моя деятельность здесь вполне могла, да и, скорее всего, уже как-то изменила будущее. Но достаточно ли было этого изменения для того, чтобы десятки миллионов русских в уже совсем близком XX веке не погибли бы как на своей земле, так и во множестве иных краев, – я не знал. И потому не собирался обзаводиться потомством. Ибо если грядущие потрясения все-таки придут в Россию, защитой от них не послужит ничего – ни статус и принадлежность к высшим слоям общества, ни богатство, ни образование и желание честно трудиться. Царскую семью вон полностью уничтожили. Да не одну, а со всеми домочадцами. Среди которых, кстати, был и вылечивший меня в Москве Евгений Сергеевич Боткин, в 1918 году являвшийся лейб-медиком семьи Николая II и последовавший за бывшим императором в ссылку в Екатеринбург. Господа революционеры и его грохнули за компанию. А еще за время Гражданской войны из-за террора, эпидемий и эмиграции Россия потеряла по разным отраслям от семидесяти до девяноста процентов инженерных кадров. Отчего Сталину и потребовалось восстанавливать старые и открывать десятки новых институтов. Нужно же было хоть как-то утолить жесточайший кадровый голод возрождающейся промышленности. Только уровень подготовки у них, понятно же, был аховый. Потому что даже учить некому было. В результате аварийность на производстве в стране просто зашкаливала. Но нельзя же обвинять «новых, передовых советских инженеров» в технической неграмотности. Вот и начали их напропалую сажать за «вредительство» вкупе с последними остатками грамотных технарей, получивших образование еще в царское время. Что отнюдь не ускорило индустриализацию, которая на протяжении первой пятилетки, то есть конца 1920-х – начала 1930-х годов полностью, а на протяжении второй и третьей – в существенной части была лишь *восстановлением* того, что Российская империя *уже имела* к 1913 году.

Да что тут так уж мудрствовать-то... До всех этих революций в России уже было несколько автомобильных заводов – «Руссо-Балт», «Лесснер» и другие, с объемом производства, вполне сравнимым с объемами производства многих иностранных заводов того времени, и они уже выпускали не только лицензионные модели, но и собственные оригинальные конструкции, многие из которых к тому же оснащались и моторами своей разработки. А первый советский автозавод – ГАЗ – появился только в 1932 году. Через двадцать лет! Причем и конструкция, и технология производства как автомобилей, так и двигателей были тупо куплены у «Форда». То есть в 1932 году в СССР просто повторили то, с чего первые русские автозаводы начинали в году этак 1900-м.

К началу Первой мировой войны в России было и несколько авиационных заводов – «Дукс», тот же «Руссо-Балт», – серийно производивших самолеты и оснащавших их в том числе и двигателями собственной разработки. Недаром Россия вступила в Первую мировую с самым большим воздушным флотом среди всех воюющих держав и единственная на тот момент имела на вооружении тяжелый бомбардировщик. А первый советский самолет был построен только в 1924-м. Более, чем через одиннадцать лет!

За время Первой мировой войны русские корабельщики построили и передали флоту семь (!) линкоров, то есть кораблей, сосредоточивших в себе все самые высшие достижения

науки и техники того времени. СССР за время своего существования так полностью и не восстановил технологии постройки таких кораблей. Да, он попытался. Да, помешала война. Но все семь линкоров царской России также достраивались во время *мировой* войны. И были достроены!

Вот такую Россию разрушили революция и Гражданская война... Так вот я не хочу оставлять даже шанса моим потомкам попасть в эту мясорубку. Пусть лучше их вообще не будет. А заводы, рудники, железные дороги, институты и фабрично-заводские училища – будут. Они-то и станут моими детьми, которым суждено жить в моей стране, какой бы режим в ней ни правил и какой бы строй в ней ни установился. Да даже если все пойдет как в той истории, о которой я знал, и Россия опять потеряет девяносто процентов инженеров, всё же десять процентов, оставшиеся от тридцати – сорока тысяч и, скажем, от миллиона, – это же очень разные десять процентов...

До штаб-квартиры я добрался к обеду. Там меня уже ждали Грауль и Горлохватов. Перед отъездом к Эшли, у которой я провел на этот раз целых три дня (для пары ее самых близких и верных слуг наши отношения уже не были секретом, а иных она в загородный дом не брала), я поставил им задачи, вытекающие из наших договоренностей с Лукой Мейером. И похоже, у них уже было о чем отчитаться.

С Мейером мы проговорили долго, очень долго. Он все пытался понять, где и как я хочу его обмануть. И так до конца мне и не поверил. Жаль. Я говорил ему правду. Мне действительно уже не так нужно было трансваальское золото. Нет, если будет – отлично! Тем больше у меня появится возможностей для маневра. Глядишь, замучу еще какую-нибудь переселенческую программу, уже для Сибири и Дальнего Востока. Но сейчас для меня главным в Трансваале было уже не золото. Главным было сделать так, чтобы оно не досталось англичанам... а если даже и досталось, то после таких затрат и в таком состоянии приисков, восстановить и окупить которые они не смогут еще лет тридцать – сорок. Так что по большому счету недоверие Мейера ничего не решало. Более того – он все равно начал бы делать то, что я предложил, просто потому, что был патриотом Трансвааля. Не всё, не сразу и не полностью, поскольку не обладал сходным с моим объемом информации и не владел теми навыками анализа, которыми владел я, но то же самое. Ибо такова была внутренняя логика развития ситуации. К тому же я не просил ничего из ряда вон выходящего. Да собственно, вообще ничего не просил – ни сделать, ни даже отменить. Мне нужно было только одно – стабильность.

– Вижу, есть что доложить, – усмехнулся я, усаживаясь в кресло в столовой. После бурной ночи и двух часов скачки верхом жрать хотелось сильно.

– Это-о так, – наклонил голову Грауль. А Горлохватов лишь усмехнулся.

В принципе обо всех планируемых бурами изменениях я узнал еще до встречи с Мейером. Частично от Горлохватова – его информация содержалась в докладе, предоставленном мне Канаревым, – частично из письма Эшли. Вернее, из письма Эшли я узнал намного больше, чем смог разнюхать Горлохватов. Она переправила мне копии не только всех планируемых к принятию законов, но и полный текст доклада, который был прочитан перед верхушкой буров и в котором обосновывалась необходимость принятия данных законов в изложенном виде. Это был блестящий доклад, несколько тенденциозный по отношению ко мне, но достаточно точный, с графиками, таблицами и математическими формулами... Ну дык, поскольку эти изменения в первую очередь били по мне как по самому крупному и влиятельному иностранному предпринимателю в стране, естественно, сведения о них более всего берегли именно от моих структур. Поэтому наказывать Горлохватова я не собирался. Он и так сделал все, что мог, учитывая уровень оказываемого ему противодействия.

А Мейер был очень неприятно удивлен, когда я выложил ему весь планируемый расклад по повышению акцизов на добычу золота и введению дополнительных налогов на все товарно-

денежные операции компаний с иностранным участием. Похоже, в руководстве Трансвааля не сомневались, что им удастся сохранить все в тайне вплоть до ключевого заседания парламента... Но еще сильнее Мейер удивился, когда услышал от меня, что я не требую отказаться от этих планов и что все мои громогласные протесты и кое-какие финансовые уловки, которые я буду применять, – не более чем ритуальные шаманские пляски. И что я готов даже время от времени подкидывать ему информацию о том, как можно поймать моих людей на каком-нибудь шельмовстве, чтобы усилить его собственные позиции в руководстве страны.

– В этом нет необходимости, – гордо заявил Мейер в ответ на мое предложение. – Мне достаточно того авторитета, коим уже одарил меня Господь!

– А я считаю, что нет, – весьма нагло заявил я ему в ответ. Его глаза яростно полыхнули, но я снова успел раньше, чем он разразился гневной отповедью. – Скажите, а все эти законопроекты разработаны, случайно, не Жубером, ну или кем-то из его прогрессистов?

Мейер запнулся, несколько мгновений сверлил меня напряженным взглядом, затем с подозрением спросил:

– А почему вы этим так интересуетесь?

– Просто, когда я ознакомился с законопроектами, а особенно с докладом, обосновывающим необходимость их принятия... блестящий, кстати, доклад, поздравляю... то сразу понял, что здесь чувствуется очень серьезная экономическая проработка, которую, увы, здесь у вас никто обеспечить не может. А уж когда я узнал, что полтора года назад Уильяму Каннингему¹¹ был заказан расширенный анализ экономики обеих бурских республик...

Мейер еще больше нахмурился. Похоже, тот факт, что я знаю не только общее содержание планов, но еще и знаком с полным текстом законопроектов и с докладом, обосновывающим их принятие именно в предложенном виде, его окончательно добил. Настолько, что он попытался увести наш разговор в сторону от этой неприятной темы... задав именно тот вопрос, которого я ждал:

– Кто такой Каннингем?

– Британский экономист, – спокойно пояснил я, – очень большой специалист в этой области. Вероятно, самый большой на данный момент. Я собираюсь отправить к нему на стажировку несколько своих людей, поэтому собираю о нем подробные сведения. – Я помолчал и, слегка добавив в голос яду, осведомился: – Скажите, Лука, вы действительно думаете, что англичане совершенно бескорыстно подсунули прогрессистам великолепно проработанные проекты законов, направленных на резкое увеличение доходов вашей страны и... создание серьезных проблем для бизнеса иностранным предпринимателям, среди которых есть подданные британской короны?

– Я вам не верю, – спустя минуту твердо произнес Мейер.

– В чем? – удивился я. – В том, что эти законы проработаны так хорошо, как здесь, у вас, проработать невозможно? Ну нет у вас экономистов столь высокого уровня, и с математиками тоже не слишком хорошо. Или в том, что это сделали англичане?

Мейер насупился и промолчал. А что тут можно было ответить? Тексты всех планируемых к принятию законопроектов, а также великолепный доклад, обосновывающий их принятие, он помнил, вероятно, ничуть не хуже меня. Да еще и, возможно, гордился тем, как все скрупулезно рассчитано и как четко, логично изложено. Мол, знай наших! И даже не задумывался, кто и как все это рассчитал и выверил...

– Все равно я не буду выступать против принятия этих законов, – твердо заявил он после нескольких минут раздумий над полученной информацией.

¹¹ Уильям Каннингем – английский экономист и историк, родоначальник экономической истории в качестве самостоятельной дисциплины. Один из сильнейших аналитиков своего времени.

– Да ради бога, господин Мейер, – усмехнулся я. – Я же вам уже говорил, что не собираюсь просить вас об этом.

Мейер снова задумался. Черт! Прости, Господи, за поминание нечистого, этот разговор просто выворачивал ему мозги. Перед началом беседы для него, верного слуги Господа нашего, Иисуса Христа, все было ясно и понятно. Вот верные последователи Его, вот отринувшие волю Его, и среди них этот сидящий перед ним русский, обманом и ложью наложивший лапу на то, что Он даровал верным детям Его, и теперь нагло набивающий свои карманы. Поэтому и сама встреча была для Мейера скорее удовлетворением собственного любопытства. До сих пор он знал этого русского шапочно, так почему бы не познакомиться поближе? К тому же, чего греха таить, было и греховное желание слегка потешить самолюбие, посмотреть, как великий князь, брат покойного императора, будет лебезить и заискивать перед ним, уговаривать, просить, сулить разные блага... а он, Мейер, как и подобает верному рабу Божию, твердо и с достоинством отвергнет гнусные соблазны, заставляя лукавого, чьим приспешником и слугой, несомненно, является этот русский, визжать от злости в аду. Но все пошло кувырком. А может, он, Мейер, все-таки чего-то не понял?..

– Давайте-ка разберемся, ваше высочество, – неожиданно терпеливым тоном обратился ко мне мой гость, заставив меня довольно усмехнуться про себя. Как-никак он впервые назвал меня высочеством... Просто поразительный прогресс!

– Готов приложить к этому все свои силы, уважаемый господин Мейер, – с максимально возможной почтительностью ответил я. Баш на баш, так сказать: вы ко мне с почтением, ну и я к вам. А то сидит, понимаешь, корчит из себя верховного судию...

– Вы не собираетесь ни бороться против принятия фольксрадом новых законов о налогообложении, ни каким-то образом обходить их, я так понял?

Я усмехнулся уже в открытую:

– Не совсем. И бороться, и обходить я планирую, причем так, чтобы любой внешний наблюдатель считал, что я делаю это совершенно искренне. Но... я обещаю вам, что все мои самые громкие усилия, во-первых, не приведут к тому, что эти законы не будут приняты, и, во-вторых, большинство моих ухищрений по сокращению сумм, которые мои компании должны будут выплачивать в соответствии с новыми законами, на самом деле формально не будут их нарушать. О тех же, которые будут, я обязуюсь тем или иным способом уведомлять вас, дабы вы, поймав меня, так сказать, «на горячем», еще более упрочили свой авторитет среди своих коллег и избирателей.

Мейер задумчиво пожевал губами.

– И зачем это вам?

Я терпеливо повторил:

– Потому что для меня главным теперь является не допустить сюда англичан. А лучшим залогом этого я считаю вас как одного из самым непримиримых их противников, лучше всех способного подготовить буров Трансвааля к грядущему столкновению с Британией.

Мейер пропустил мою лесть мимо ушей и снова уточнил:

– Но серьезно препятствовать принятию законов вы не собираетесь?

– Нет, – кивнул я и пояснил: – Максимум пять-шесть проплаченных статей в англоязычной прессе для ойтландеров¹² и несколько патетических бесед с Крюгером, Жубером и еще парой-тройкой господ, кои числятся в моих друзьях.

¹² **Ойтландеры** – иностранцы, переселившиеся в Трансвааль после открытия золота. В известной всем истории подавляющее большинство их (около 160 тысяч из 200 тысяч) составляли англичане. В реальности романа англичан явно меньшинство. Во-первых, Трансвааль снабжается по железной дороге из Лоренсу-Маркиша, а не из Кейптауна и Дурбана, так что доступ английских подданных в бурские республики здесь более затруднен. Во-вторых, в Европе работают специальные конторы по найму, открытые главным героем, так что и поток эмигрантов из других стран явно больше. Во многом вследствие этого автор считает, что никакого рейда Джеймсона в текущей реальности быть не может.

Мейер усмехнулся, явно обратив внимание на мое «числятся», и еще раз уточнил:

– То есть вы готовы смиренно принять закон, даже несмотря на то что он, по вашим словам, разработан англичанами?

– Не только *несмотря*, но и во многом *благодаря* этому, Лука, – ответил я. – Вспомните, я же задавал вопрос, насколько вы верите, что англичане сделали это бескорыстно.

Мейер медленно кивнул, не отрывая от меня напряженного взгляда. Я широко улыбнулся:

– Вот в этом-то и дело! Они при разработке уже заложили в законы экономические механизмы, которые позволят английским компаниям спустя несколько лет полностью подгрести под себя всю добычу золота в Трансваале.

– Как? – ошарашенно выдохнул Мейер.

– А я вам покажу, – усмехнулся я. – Скоро. Как только начнут действовать эти законы.

– Вы?!

– Ну да. Ведь эти механизмы на самом деле не эксклюзивны. Их сможет использовать любой, у кого здесь есть достаточная база. И для меня они подходят едва ли не больше, чем для самих англичан, поскольку англичане здесь все-таки вторые после меня.

Ну еще бы! В этом мире не было *никого*, кто знал бы больше меня о слияниях и поглощениях. И у кого была бы хотя бы десятая часть моего опыта деловых переговоров. Нет, я отнюдь не считал себя самой крупной деловой шишкой этого мира. Здесь и сейчас живут и действуют такие глыбы, как Карнеги, Рокфеллер, Морган и многие другие. Не люди – легенды! Но их успех связан в первую очередь с тем, что они были *первыми*. Они делали то, что до них никто и никогда не делал, то, чего до них не существовало, то, против чего не придумано было никакого противодействия... В том же мире, который я покинул, все бизнес-приемы (ну, мягко говоря), с помощью которых они разоряли конкурентов, подгребали под себя их бизнес и строили свои гигантские империи, могли бы сработать только против владельца пары ларьков. Да и то смотря где. Во Франции или там в США – это да, а наши ларечники, прошедшие беспредел 1990-х, этих Рокфеллеров и Морганов на своем... болте бы вертели.

– Что же касается других условий, здесь мы англичан уже переиграли. Хотя бы потому, что состоялся наш сегодняшний разговор, – закончил я.

– Но... я не понимаю... – озадаченно начал Мейер.

– Все просто, – перебил я, – англичане никак не рассчитывали, что я кое-что смыслю в экономике. Я для них просто баловень судьбы, родившийся с золотой ложкой во рту и удачно воспользовавшийся шансом. Ну, в крайнем случае дилетант-самородок. Так что, по их расчетам я должен, едва только до меня дойдет слух о планирующихся изменениях, сцепиться с вами в глубоком, как это называется в их боксе, клинче, отстаивая свои привилегии. А я для вас, уж простите, слишком крупная рыба, и выйти из этого клинча без посторонней помощи вы не сможете. – Я хитро прищурился. – Не подскажите мне, *кого* вам пришлось бы звать на помощь в этом случае? Кто еще *действительно* смог бы вам помочь в борьбе со мной, а не просто оказать моральную поддержку? – Тут я сделал короткую паузу, а потом закончил: – И заглянем чуть дальше: *чем* бы вам пришлось в скором времени расплатиться за эту помощь?

Мейер посидел, опустив взгляд и обдумывая все сказанное, затем глухо выругался. Я одобрительно кивнул. А что вы хотели, ребята, – тягаться с зубрами, у которых за плечами столетия интриг и разводок даже не отдельных личностей, а целых государств и союзов?

– Но все равно, – поднял он на меня глаза, – я не совсем понимаю, что означают эти ваши «десять лет».

– *Ваши* десять лет, – поправил я. – Причем, возможно, совсем и не десять, а гораздо меньше. Я был бы уверен всего в четырех-пяти годах – далее в настоящий момент планировать можно лишь очень приблизительно...

– То есть вы готовы помочь нам подготовиться к нападению англичан, – кивнул Мейер, решив, что нашел-таки мой настоящий интерес в этом деле. – И естественно, заработать на этом деньги.

– Я бы выразился немного не так, – с легкой насмешкой сказал я, представляя, как мои следующие рассуждения еще больше запутают бедного Мейера. – Если мы с вами хотим получить как можно больший срок для подготовки, нам следует убедить англичан, что все развивается по их плану. То есть что я и высшее руководство Трансвааля на самом деле сошлись в клинче и теперь являемся непримиримыми противниками друг для друга. Такое развитие событий послужит прекрасным обоснованием того, почему вы начнете поспешно укреплять свою армию... Вот только я, боюсь, в этом случае буду вам не помощник. Ну согласитесь, смешно же будет, если тот, против кого вы станете вооружаться, возьмется поставлять вам оружие.

Мейер снова задумался. Было видно, что верить он мне не хотел, но никаких иных доваримых объяснений, кроме тех, что были приведены мною же, пока найти не мог.

– То есть вы просите, чтобы эти десять лет...

– Вы не будете никак мешать мне действовать на основании принятых вами законов, а так же не будете ужесточать их, при этом строго наблюдая за тем, чтобы я тоже неукоснительно их соблюдал. А я обязуюсь выплачивать вам все положенное по этим законам... ну, за исключением тех случаев, по поводу которых я найду в законах лазейки... Ну и существенную часть этих выплат вы будете тратить на увеличение собственной обороноспособности, – подытожил я.

Мейер несколько мгновений сверлил меня напряженным взглядом, а затем медленно наклонил голову.

– Но учтите, – произнес он, – я буду внимательно следить за вами.

– А через пару-тройку лет еще и будете иметь возможность силой заставить меня пожалеть о любом моем нарушении своего обещания, – подытожил я очередной этап нашего разговора.

Мейер кивнул и поднялся.

– Прошу вас еще немного задержаться, – обратился я к нему. – У меня есть некоторые мысли по поводу вашего будущего противодействия англичанам, и я хотел бы ими поделиться.

– Мы сами решим, как и чем нам ответить англичанам, если они посмеют напасть на нас, – набычился Мейер.

– Около двадцати лет назад, – мягко начал я, – я участвовал в войне с Османской империей, государством мусульман у нашей южной границы, с которым Россия воюет уже на протяжении трехсот лет. Война продлилась больше года, в ней столкнулись армии численностью в сотни тысяч солдат и тысячи орудий. Мы победили. Но когда мы были уже в шаге от столицы османов, в Мраморное море вошел флот англичан и... – Я на мгновение запнулся, но почти сразу же продолжил: – У нас украли большую часть нашей победы. Победы, оплаченной десятками тысяч жизней наших людей... – Я сделал короткую паузу и закончил: – Неужели вы не хотите услышать пару советов от человека, который прошел через такую войну?

Мейер смотрел на меня долго, очень долго, а затем медленно наклонил голову:

– Мне кажется, я понял вас, ваше высочество и... да, я выслушаю ваши советы.

– Ну что ж, докладывайте, – разрешил я своим помощникам, расправляясь с омлетом.

Первым начал Грауль:

– На-ачну с конца. То есть с мер, которые мы сможем предпринять, чтобы уменьшить наши выплаты с то-оварно-денежных ра-асчетов. Я тут набро-осал... перевод всех поставок в пре-делах Трансвааля на бартерную основу... Короче, если мы выведем наш о-основной расчетный центр в Ло-оренсу-Маркиш, то максимальная сумма выпла-ат, которую мы будем

о-обязаны вносить в казну Трансвааля, после принятия но-овых законов, с проектами ко-оих вы меня о-ознакомили, не превысит по-олутора миллионов. Кроме того, я считаю, что мы сможем уменьшить выпла-аты еще и сле-еду-ющим образом...

Я слушал его, поглядывая на Горлохвотова и думая о том, насколько Мейер воспользуется моими советами. Я выдал ему несколько предложений. Во-первых, я порекомендовал ему строить транспорты для созданной ими Трансваальской оптово-розничной компании сразу же как вспомогательные крейсера. Пока они пользовались арендованными судами, но если они действительно хотят серьезно потеснить меня с рынка, им непременно нужны собственные корабли... А когда Мейер с озадаченным видом поинтересовался, что я имею в виду, я рассказал ему о том, как себя проявили вспомогательные крейсера РОПиТ в русско-турецкой войне 1877–1878 годов¹³, о пароходах Доброфлота, уже заранее спроектированных как вспомогательные крейсера с подкреплениями палубы для установки орудий и с артиллерийскими погребами. Он выслушал меня слегка скептически и покачал головой:

– Мне кажется, нам это не подходит. Если у России есть свои моряки, то у нас их нет. И я не вижу, откуда они смогут появиться. Мы должны в поте лица своего обрабатывать землю, которую дал нам Господь...

– Мальчишки, бредящие морем, рождаются в любых семьях, Лука, – не согласился я. – К тому же помните – десять лет... Да и я знаю, где вы сможете взять людей, которые не только будут водить ваши суда в мирное время, но и, вероятно, не откажутся встать к орудиям в военное.

– И где же?

– На родине ваших предков и... здесь.

Мейер озадаченно посмотрел на меня:

– Здесь?

– Да, – кивнул я. – За десять лет работы моей конторы по найму в Голландии сюда приехали около пятнадцати тысяч голландцев. После того как вы обнародуете свои новые законы, многие окажутся не у дел. Предложите им работу на кораблях. Что же касается ваших людей... их понадобится не так много – три-четыре человека в командный состав и полсотни либо чуть больше в расчеты артиллерийских орудий и в конвойные команды на случай захвата вражеских кораблей на каждое судно... вернее, на корабль, поскольку тогда они уже будут считаться военными. А выигрыш может быть существенным. Доставить сюда войска англичане могут только морем, и если ваши вспомогательные крейсера начнут действовать – англичанам придется перейти к системе конвоев, что существенно замедлит переброску войск и усложнит их снабжение. Так что у вас появится шанс перемалывать английские войска частями. Да и их торговому судоходству вы сможете весьма навредить. А у британского льва кошелек – самый чувствительный орган...

Мейер задумался. Я не ждал, что он мне вот так сразу поверит, но мысль я у него активизировал. Причем такую, до которой он сам никогда в жизни не додумался бы. И даже не одну, а две – насчет вспомогательных крейсеров и насчет вербовочной конторы. Отбросить их он со своим упертым характером уже не сможет. Найдет знающих людей, поспрашивает, возможно даже съездит в Голландию, посмотрит, что там к чему. И что-нибудь решит. Даже если решит отвергнуть – что ж... я сделал все, что мог. Но отвергнуть – вряд ли. Корабли они

¹³ Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия, лишившаяся права иметь на Черном море военный флот после Крымской войны и восстановившая это право, только когда Франция потерпела поражение от Пруссии в 1871 г., боевых кораблей специальной постройки на Черном море в отличие от Турции практически не имела. Но вспомогательные крейсера, представлявшие собой вооруженные с началом войны коммерческие пароходы РОПиТ, покрыли себя неувядаемой славой. Так, пароход РОПиТ «Веста» в прямом бою нанес поражение турецкому броненосцу специальной военной постройки «Фехти-Буленд», заставив его отступить. А пароход «Великий князь Константин», ставший на время войны минным транспортом, серьезно повредил турецкий броненосец и потопил турецкую канонерскую лодку.

и без того будут заказывать, так почему бы действительно не заказать их с прицелом на то, чтобы использовать в качестве вспомогательных крейсеров? По деньгам выходит не намного дороже – а ну как и пригодится? Вот тут-то Мейер и попадет в мою ловушку. Когда в руках есть некое оружие – руки так и чешутся его применить. Особенно если здесь начнется война. Эффективность применения этого оружия – уже другое дело. Но тут уж я ничем им помочь не смогу. Как справятся – так справятся...

Закончив обдумывать мысль, Мейер снова поднял на меня взгляд:

– Что-то еще?

– Бронепоезда, – коротко ответил я.

Мейер удивленно воззрился на меня.

– Ну, у меня же есть бронепоезда, не так ли? – усмехнулся я. – А я с вами после опубликования всех этих законов буду на ножах. Вот вам и надо уравнивать шансы. А то и увеличить свои относительно моих... Кроме того, я бы очень рекомендовал, помимо артиллерии, создать в вашей армии еще и пару-тройку регулярных драгунских полков.

Мейер насутился:

– Наши люди способны...

– Так это же против меня, – пояснил я. – У меня же отряд охраны почти в полторы тысячи человек и несколько артиллерийских орудий. И что вы сможете мне противопоставить, если я, скажем, озлобившись от всех этих ваших законодательных инициатив, решу захватить Преторию Филадельфию? А тут у вас будет своя вооруженная сила. Пусть по большей части наемники. Ну так и у меня сейчас в охранном отряде русских менее трети... К тому же после принятия ваших новых законов многие переселенцы потеряют работу, чем будут очень недовольны. Вы их сами разгонять станете?

Мейер в который раз недоверчиво уставился на меня. Я спокойно выдержал его взгляд, а затем улыбнулся и добавил:

– Ну а если, мой дорогой Лука, бронепоезда вам потом пригодятся для чего-нибудь еще – кто будет против? Я здесь таковых не вижу...

Мейер окинул меня теперь уже раздраженным взглядом, и я тут же убрал улыбку с лица. Что-то я расслабился. Не стоит его нервировать. Только-только установилось хоть какое-то взаимопонимание...

– Что-нибудь еще?

– Пулеметы, – произнес я. И пояснил: – Эти машинки, обслуживаемые парой солдат, в обороне вполне могут заменить сотню стрелков. Вы же будете именно обороняться, так что пулеметы помогут вам хоть как-то справиться с численным перевесом англичан.

Мейер задумчиво кивнул:

– Я видел пулеметы, но они не произвели на меня такого уж большого впечатления.

Я пожал плечами – мол, хозяин-барин, – но опять пояснил:

– А вот представьте, что будет с колонной английского пехотного полка, если по нему с расстояния в сто – двести ярдов откроют огонь три-четыре пулемета... ну а как они с ним закончат – их можно легко увезти даже выюками...

Мейер, похоже, представил, потому что его слегка передернуло. Я же закончил:

– Да и оснастить артиллерию современными пушками тоже не помешает. Те, что у вас сейчас, – все под дымный порох. А это уже вчерашний день.

Лука некоторое время помолчал, затем вновь упер в меня недоверчивый взгляд:

– И вы беретесь нам все это поставить?

Я широко улыбнулся и помотал головой:

– Вы что? Мы же с вами будем на ножах. Какие поставки оружия?! – Тут я сделал паузу и задумчиво произнес: – Разве что пулеметы. Наших новых винтовок вы уже закупили чуть ли не по две на каждого возможного бойца, что весьма предусмотрительно, поскольку во время

войны оружие имеет свойство теряться, ломаться и всякими иными способами выходить из строя, да и патронов у вас тоже с запасом. Так что переходить на другое вооружение я особого смысла не вижу. Вот чтобы не множить калибры – может, и стоит закупить пулеметы под тот же патрон. Остальное – сами, сами. Корабли вам пусть строят немцы. Кстати, у них стоит закупить и полевую артиллерию. Да и пулеметы вам придется покупать через третьи руки. Ну не думаете же вы, что после того как вы тут со мной поступите, я буду поставлять их вам? Нет-нет, мы с вами тотчас же и окончательно рассоримся.

Мейер задумчиво почесал бороду.

– Мда-а, хорошо, я подумаю над вашими предложениями. И возможно, пойду на то, чтобы сделать все, что в моих силах, дабы дать вам десять лет без дальнейшего изменения законодательства. Но помните – только десять лет.

Я кивнул. На том мы и расстались...

– Хорошо, – произнес я, когда Гоорт Грауль закончил свой доклад. – Даже можно сказать – отлично. Особенно меня порадовало, что вы совместно с Горлохватовым уже прикинули свои действия по установлению нашего контроля над теми золотодобывающими предприятиями, которые после введения всех новых налогов окажутся на грани банкротства. Одобряю. В составе нашего треста они будут вполне себе прибыльными, а мы за их счет вполне компенсируем те дополнительные четыре процента акциза, которые с нас будут сдирать Крюгер и компания, и полностью сохраним доходы.

– Как бы да-аже и не увеличим, – хмыкнул Грауль.

– Ну тем более. Еще что-то?

– У меня всё, – коротко сообщил Грауль, а Горлохватов слегка повел головой, показывая, что у него есть кое-что, но он хотел бы обсудить это со мной наедине.

Я понимающе кивнул.

– Ваше высочество, – начал Горлохватов, когда мы остались одни, – как долго вы еще собираетесь оставаться в Трансваале?

– Пока не выгонят, – усмехнулся я.

Горлохватов удивленно вскинул брови. И я пояснил:

– Ну, после того как мы с вами реализуем все наши задумки, мои отношения с местным бомондом очень обострятся. А уж когда они поймут нас на какой-нибудь из тех фишек, что придумал Грауль, разразится такой скандал, что я вообще окажусь тут персоной non grata.

– Вы думаете, они смогут разобраться в...

– А мы им кое-что подскажем, – весело заявил я, допивая кофе.

Брови Горлохватова опять поползли вверх.

– «Надо, Федя, надо», – процитировал я неизвестный в этом времени фильм из моего детства. – Дело в том, что все эти новые законы – происки англичан, которые в большой степени просто разводят трансваальцев, их же руками готовя захват их страны. А я англичанам в этом очень сильно мешаю. Одно дело, когда ты нападаешь на десяток-другой фермеров, на которых почти всем в этом мире наплевать, а другое – когда это нападение затрагивает интересы члена царствующего дома одной из мировых держав. Вот им и нужно поскорее выдавить меня отсюда.

Горлохватов задумался. Он пока ничего не понял, но задавать вопрос, почему, собственно, я в этом случае не приложу все усилия, чтобы сорвать англичанам игру и остаться здесь на прежних правах, не стал. Если уж я собираюсь подыграть англичанам, значит, это в какой-то мере и в моих собственных интересах. Или в интересах России...

И он был прав. России ни в коем случае не следовало ввязываться в войну с Англией. Потому что даже в случае очень вероятной ничьей или почти невероятного выигрыша, в стратегическом плане для нас это все равно будет проигрыш. В настоящей момент Англия владела мировой торговлей, и сдвинуть ее с этого места могло только поражение в долгой, затратной и кровопролитной войне сродни мировой, а не в короткой и периферийной, в коей только у Рос-

сии пока и были против нее шансы. Даже если произойдет чудо и мы, ввязавшись в эту тяжкую, кровопролитную войну, все-таки в ней победим, то воспользоваться победой нам никак не светит. Ею, без всяких сомнений, воспользуются в первую очередь немцы, а также французы, итальянцы и уж несомненно американцы. Нам же, как обычно, останется лишь моральное удовлетворение и малый кусок от завоеванного, а еще... сотни тысяч, а то и миллионы убитых и покалеченных вкупе с совершенно расстроенной финансовой системой. Не надо нам такого удовольствия. Во всех остальных случаях положение Англии во главе мировой торговли пока непоколебимо, и без нормальных отношений с ней нам нечего и думать занять в мировой торговле достойное место. Без этого же на дальнейшем развитии России можно ставить крест – на внутренних ресурсах мы много не вытянем. Так что для меня настало время потихоньку начинать нормализовывать хотя бы личные отношения с Англией. Для чего я должен был хотя бы внешне не оказывать никакой помощи бурам в предстоящей Англо-бурской войне. А лучше бы и Россия в целом в нее никак не ввязывалась...

– Сам посуди, – слегка приоткрыл я свои планы Горлохватову, – англичане же должны как-то отреагировать на то, что все их попытки прижать меня к ногтю и уменьшить мое богатство и влияние привели к тому, что я стал только богаче. Не могут же они мне это просто спустить. Вот я им и подставляюсь. После чего они должны вполне удовлетвориться тем, что окончательно выдают меня из Трансвааля и какое-то время не будут особенно наседать на вас, на тех, кто здесь останется.

– Ага, – понимающе кивнул Горлохватов, – поэтому вы и поставили мне задачу нащупать связи среди португальских контрабандистов.

– В том числе, – задумчиво произнес я.

На самом деле я собирался облегчить работу Мейеру, если он последует моему совету и озаботится закупкой наших пулеметов. Да и для поставки патронов во время войны это также будет отличный канал. Португалыцы приняли на вооружение нашу винтовку Мосина, так что никаких проблем с образованием трехэтапного маршрута поставки Россия – Португалия – Трансвааль я не видел. План был такой: португалыцы легально закупают у нас все, что нужно, потом довозят до собственного порта – Лоренсу-Маркиша, после чего их контрабандисты совершенно спокойно, даже не выходя со своих складов, поставляют все необходимое бурам, которые с комфортом вывозят оружие привычным маршрутом по железной дороге Лоренсу-Маркиш – Претория Филадельфия. Но чтобы это понимать, надо было знать о том, что вскоре здесь разразится война. А я посвящать в это знание Горлохватова пока не хотел. Не время еще. Да и не мог я себе позволить сидеть в Трансваале. Потому что меня ждала еще одна война...

Глава 5

– Прости, дядя, но я решительно отказываюсь понимать, зачем нам эти острова!

Я смотрел на Николая II, прищурившись. Вот, значит, как – «отказываюсь»... Похоже, пока меня здесь не было, племянника уже обработали. Раньше он и не подумал бы мне возражать. Ну разве что попросил бы меня объяснить, зачем я все это затеваю. А сейчас сразу встретил мое предложение в штыки, даже не попытавшись разобраться, на кой хрен я его вообще внес. Интере-сно, насколько глубоко все зашло?..

– Ваше императорское величество, – холодно начал я, – могу ли я попросить вас снять с меня обязанности вашего личного советника и никогда более не обращаться ко мне за каким-либо советом?

Николай заерзал.

– Дядя, я вовсе не имел в виду, что не собираюсь прислушиваться к вашим советам...

– Конечно, ваше величество, вы их вообще слушать не желаете.

Племянник слегка покраснел.

– Насколько я помню, должность советника подразумевает, что онный будет давать советы в том случае, когда его попросят, а не когда ему самому в голову придет, – ядовито заметил он.

– Насколько я помню, – не менее ядовито отозвался я, – я еще не давал вашему величеству ни единого повода предполагать, что я хоть что-то делаю не после всестороннего и тщательного обдумывания ситуации и взвешивания любых, даже самых маловероятных и отдаленных как положительных, так и отрицательных последствий, а лишь потому, что мне это всего лишь пришло в голову.

Николай стушевался.

– Дядя, я... прошу меня простить, но не могли бы вы мне пояснить, чем все-таки вызвана такая ваша настойчивость? Я действительно не вижу никакого проку от того, что мы купим у испанцев один остров и возьмем в аренду на долгий срок другой. Зачем они нам?

– Каучук, – коротко ответил я.

– Что?

– Там можно заложить большие плантации гевеи. А нам очень нужен каучук. Уже сейчас. Спрос на провода в России ежегодно возрастает в три-четыре раза, а каучук – отличный электроизолятор. Кроме того, он великолепный гидро- и аэроизолятор, а также отличный амортизирующий материал. Поэтому чем дальше, тем его нужно будет все больше и больше. И не только нам, а всем в мире. Так что мы окупим все затраты на острова уже лет через двадцать... Ну и как пункты базирования, и опорные порты для торговых маршрутов эти острова нам не помешают.

Николай слушал меня внимательно. Очень. И по-видимому, искренне пытался понять. Я вздохнул и решил раскрыть карты:

– Ну и... есть еще одна причина.

– Какая же?

– Я просто не могу придумать никакого другого способа втюхать испанцам миллионов тридцать золотом.

– Что-о-о?

Я снова вздохнул. Что ж, придется дать племяннику урок геополитики. А тут еще и слова-то такого не существует...

– Понимаете, государь, – мягко начал я, – самым выгодным для любого государства является ситуация, когда действия, направленные против его врагов, соперников или даже тех, кто является в настоящий момент нейтралом, а то и союзником, но в не очень далеком будущем непременно станет соперником, будет предпринимать не оно само, а... кто-то другой. Скажем,

другое государство. Которое при этом будет действовать, считая, что делает оно это исключительно из своих собственных интересов. И в этом случае в наших интересах будет сделать так, чтобы у этого самого государства, сражающегося за себя и свои собственные интересы, но при этом и за наши тоже, было достаточно возможностей принести максимальную пользу и нашим собственным интересам...

Краткий экскурс в геополитику я закончил минут через двадцать обзором того, как изменится глобальная ситуация в мире в результате безусловной победы САСШ в Испано-американской войне, которая, по моим предположениям, уже не за горами. Нет, на самом-то деле это были не предположения, а точное знание. В покинутом мною будущем в Гаване всем туристам показывают то самое место, на котором американцы подорвали свой броненосец, дабы, так сказать, поднять волну и иметь повод для нападения на испанцев, владевших Кубой до Испано-американской войны. А поскольку я был на Кубе раз пятнадцать, то и время, и место сего происшествия у меня в голове отложились намертво. Ну а вследствие того что в Западном полушарии я еще не успел никак наследить, шансы на то, что все пойдет строго по накатанному, были максимальны. Так что говорил я очень убедительно. Поэтому Николай все сказанное мною воспринял весьма тревожно и осторожно поинтересовался по окончании моего спича:

– Значит, ты говоришь, наилучшим образом в этом стиле действуют англосаксы?

– Да, – кивнул я, – я же тебе привел примеры и показал, почему у островных цивилизаций¹⁴ это получается лучше всего. Я был недостаточно убедителен?

– Да нет... просто для меня все это так ново и необычно...

– Хорошо, – кивнул я. – Подумай над всем, что я тебе рассказал, а потом давай еще раз встретимся и снова все обсудим.

На этом моя первая по прибытии встреча с Николаем и завершилась.

Из Трансвааля я приехал в мае 1896 года. И сразу началась кутерьма. Встреча с племянником была первой из череды. Затем была встреча с отцом Иоанном. Запущенная им внутрицерковная дискуссия оказалась разорвавшейся бомбой. Как внезапно (для меня) выяснилось, в настоящее время в среде наиболее образованной части русского духовенства бродили мысли о новом объединении христианских церквей. Причем эти идеи имели популярность не только в нашей церкви. Они так же горячо обсуждались еще и старокатоликами¹⁵, и англиканами. Но Русская православная церковь, благодаря своему статусу части имперской государственной машины, никак не могла подключиться к этому процессу настолько, чтобы значимо влиять на него. Везде в мире она воспринималась именно как часть управленческого аппарата Российской империи и не более того. Поэтому идея о восстановлении поста Московского патриарха и некотором отдалении церкви от государства этой частью российского духовенства была воспринята почти с восторгом. А если учесть, что в состав этой части входили столь авторитетные в церкви люди, как Выборгский архиепископ Антоний (Владковский), ректоры Санкт-Петербургской, Московской и Казанской духовных академий, то идея получила мощнейшую поддержку, способную преодолеть отчаянное сопротивление обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева. Посему ему не удалось сразу же, в зародыше, задавить разворачивающуюся дискуссию, а затем стало уже поздно. Страна буквально взорвалась. Меня даже оторопь взяла, насколько все вокруг напоминало конец 1980-х – начало 1990-х и первые съезды народных депутатов. Тогда цеха и заводы останавливались, потому что все рабочие собирались у телевизоров и радио и, замерев, слушали жаркие баталии депутатов. Здесь депутатов не было, зато газеты буквально рвали из рук. Мальчишки-разносчики, выходившие из типографий, поша-

¹⁴ Одним из постулатов геополитики является противопоставление островного или приморского типа государства континентальному.

¹⁵ **Старокатолики** – члены так называемой Утрехтской унии, представители церквей, не приемлющих «модернизацию» католичества, проводимую папами. Уния началась с объединения некоторых епископств Германии, Швейцарии и Нидерландов.

тиваясь под грузом пачек, уже спустя полчаса вприпрыжку влетали обратно. Народ как будто сошел с ума. Впрочем, разве в конце 80-х было по-другому? Я даже испугался, не разнесет ли эта взвинтившаяся до небывалого накала дискуссия страну по кусочком, как это произошло в оставленном мною времени... Но нет, мало-помалу все начало возвращаться в пристойные рамки.

К моему удивлению, очень активное участие в дискуссии принял Лев Толстой, выступивший ярким сторонником обновления церкви. Но он пошел еще дальше, призывая вообще отказаться от какой-либо структуры и вернуться, как он писал, «к традиции первых христианских общин, где между Богом и человеком не стоял никто». Ему весьма метко ответил архиепископ Антоний – сообщил, что этим путем уже прошли протестанты, которые изначально также отвергали кого бы то ни было «между Богом и человеком», однако в настоящий момент уже создали свои мировые церкви со строгой иерархией, учебными заведениями, съездами и так далее, то есть все равно вернулись к тому, от чего так яростно призывали отказаться, просто в новой, так сказать, упаковке. Ну и напомнил, к чему привело яростное отвержение «изначального, православного, христианского учения, уже два тысячелетия хранящего и преумножающего животворную лозу учения Христа», – от костров инквизиции до массовых казней в Женеве во время попытки Кальвина превратить ее в «Святой град» и трагедии Салемских ведьм¹⁶. Теперь все шло к тому, что по осени впервые за долгое время будет собран Поместный собор Русской православной церкви. Отчаянное открытое письмо Победоносцева к государю, опубликованное в паре наиболее консервативных газет, осталось без ответа, а внутри церкви борьба между сторонниками и противниками изменений постепенно переходила в борьбу за место на этом соборе.

Следующая встреча с Николаем по поводу покупки и аренды островов у Испании произошла в начале июня. На этот раз он был не один, а с Шишкиным¹⁷ и Витте, с которым до сего момента у нас были вполне приличные отношения. Я вполне благосклонно принял его планы денежной реформы и усилия по ускорению строительства Транссиба, а он хоть и со скрипом, но в полном объеме финансировал мои экзерциции в армии и флоте. Но сейчас мы схлестнулись намертво. Витте ядовито осведомился, готов ли я на сию покупку пожертвовать половину бюджета флота. Я слегка завелся и уточнил, означает ли это, что мне стоит перестать размещать свое золото в государственном казначействе. Витте прошелся по моему патриотизму... Короче, встреча едва не переросла в мордобой, и лишь вмешательство Николая остановило развитие событий по негативному варианту. После чего все разошлись, напутствуемые повелением Николая еще раз рассмотреть все «за» и «против» данного решения.

Для меня все было понятно, так что я просто с головой погрузился в свои дела, и некоторые из них меня порадовали. Так, наконец-то начала приносить реальные результаты моя программа поддержки изобретателей. Блинов создал первый вполне рабочий вариант гусеничного экскаватора. Эта машина уже не ломалась каждые два дня, хотя по-прежнему требовала ежедневного обслуживания и наладки. Ее экипаж состоял из трех человек, а, обладая ковшом объемом около четверти куба, по грузоподъемности крестьянской телеги, за день она могла сделать работу примерно десяти – пятнадцати человек. В условиях населенных областей европейской части страны экскаватор проигрывал артели землекопов вчистую, ибо только оплата двух квалифицированных членов экипажа и одного кочегара практически полностью покрывала зарплату десятка землекопов. А стоимость самой машины? А уголь для двигателя? А материалы и запасные части для ее обслуживания? Но вот в отдаленных областях... Там было все немножко по-другому. Например, применение экскаватора на Дальнем Востоке позволяло резко уменьшить приток китайцев на стройки в русских областях. Это несколько снимало остроту демо-

¹⁶ На эту тему в Интернете масса информации. Покопайтесь сами, а то еще одну книгу писать придется.

¹⁷ Министр иностранных дел Российской империи в 1896–1897 гг.

графической ситуации и должно было хоть немного затруднить работу агентов японской разведки в предстоящем конфликте. А уж в некоторых местах Транссиба экскаваторы вообще должны были стать настоящей панацеей.

И еще у нас полетел самолет. Плохо, низко и недалеко, но полетел. Благодаря новому двигателю мощностью около девяти лошадиных сил, разработанному в моих автомобильных мастерских по типу двухтактного двигателя Бенца. Двигатели, которые мы разрабатывали на основе модели Даймлера и Майбаха, пока использовались у нас только в качестве либо судовых, либо стационарных. Впрочем, сейчас на вагоноремонтном заводе, активно строившемся в Барнауле, заканчивали первый вариант мотодрезины с четырехтактным бензиновым двигателем мощностью уже около сорока лошадиных сил. Но для автомобилей этот агрегат не годился, потому что весил почти тонну. Ну да я и не гнал лошадей. Мне пока не особенно нужны были автомобили. Мне нужна была *школа* их создания. А поскольку все автомобили, которые выходили из моей мастерской, не продавались, а сдавались в аренду, причем эксплуатировали и обслуживали их механики, состоящие в штате мастерской, опыт как производства, так и эксплуатации мои ребята приобретали очень быстро. Так что я рассчитывал уже года через три-четыре выйти на рынок с парой-тройкой действительно классных моделей как в массовом (ну, относительно, насколько вообще этот термин применим к авторынку в настоящее время), так и в эксклюзивном секторах. Причем сразу же откусить от этого рынка добрый кусок.

Так вот, в принципе приоритет в создании самолета уже был за нами. В подтверждение сему имелись все необходимые свидетельства – фотографии, запрототолированные рассказы очевидцев и даже небольшой киноролик, снятый одним из офицеров, прошедшим обучение во Франции у братьев Люмьер. Он запечатлел на пленке, как самолет стоит на месте, причем погода почти безветренная, как заводится двигатель, как машина «разбегается», взлетает в воздух, пролетает около трехсот метров, опускается на землю и после небольшого пробега останавливается. Вот только поворачивать в воздухе самолет еще не умел. Нет, управляющая плоскость в виде руля, прикрепленного к килю, у него была, но стоило аппарату хоть чуть-чуть накренился, он тут же падал на землю. Так что все свидетельства полета у нас собрались только с шестого раза и на третьей по счету машине, когда Господь дал нам совершенно безветренную погоду. Ну а лейтенант Покровский, выступавший в роли пилота сего аппарата, к тому моменту потерял два зуба, а также стал обладателем дюжины ушибов и двух переломов. В общем, считать это самолетом я пока отказывался – ну где тут продукт, который я начну производить и продавать? А потому все фотокиноматериалы велел покамест положить в архив и дорабатывать аппарат. Скорее всего, дело было в первую голову в недостаточной мощности двигателя.

В июне мы торжественно заложили серию броненосных крейсеров и броненосцев. Крейсеров строили сразу четыре, а броненосцев – два. На Черном море. По поводу последних у меня были некоторые сомнения. Какие-то странные они получались в моем представлении. Те же броненосные крейсера, только с более толстой броней и более крупнокалиберной артиллерией, ну и с меньшей скоростью хода. А так – один черт. Я представлял себе броненосцы как-то слегка иначе... Впрочем, во время обсуждения проекта на Морском техническом комитете я больше молчал, а после посмотрел схему бронирования уже построенных броненосцев. Там с броней, пожалуй, было еще похуже. Может, так и надо? Ладно, в это лезть не будем. В этом я понимаю куда меньше, чем большинство членов МТК, а они, как мне хотелось надеяться, понимают в этом поболее себя самих из другого варианта реальности. В конце концов, в моей истории не было никакой опытовой станции и флот плавал куда меньше нынешнего. Да и технологические возможности русских заводов были слабее как минимум на треть. А может, даже наполовину... Вот более совершенную систему перезарядки главного калибра – это да, я пробил. С учетом ее выходило, что наши броненосцы должны стрелять процентов на сорок быстрее, чем самые современные английские, которые еще только закладывались на

стапелях. Ну, если сведения, которые раздобыл мой Департамент морской и береговой информации, не были целенаправленной дезой. Минимальное время между выстрелами для главного калибра составляло менее минуты. Хотя боевая скорострельность, несомненно, должна была быть существенно ниже...

Лето промелькнуло незаметно. К августу мы утрясли с Николаем и Шишкиным все мои пожелания по Испании и вышли на испанского министра-президента Кановаса. Он слегка обалдел, а затем ухватился за наше предложение обеими руками. Испания сидела в глубокой жопе, и обещанный нами «золотой дождь» показался Кановасу манной небесной. Тем более что Гуам испанцам был на хрен не нужен. Что же касается более чувствительной для них темы – Филиппин, так там мы просили только аренду, не более. Так что процесс пошел.

А в начале сентября я велел Бурову, который теперь руководил Департаментом морской и береговой информации, успев за это время вырасти в чине до капитана второго ранга, подобрать для меня из числа его подчиненных шестерых офицеров. Достаточно молодых, но уже опытных.

Я принял их в своем дворце на набережной Фонтанки.

– Присаживайтесь, господа, – радушно предложил я, когда они появились в моем кабинете.

Пока молодые люди рассаживались на широком диване, я задумчиво смотрел на них. Интересно, как они отреагируют на мои слова? Ведь здесь еще практически не существует агентурной разведки...

– Господа, – начал я, когда все расселись. – Я хочу обратиться к вам с просьбой, которая, возможно, покажется вам неожиданной... Но сначала я собираюсь задать вам несколько вопросов. Итак, первый: сумеете ли вы отличить японца от китайца?

Все шестеро недоуменно переглянулись.

– Ну а, скажем, китайца от корейца?

Ответом мне снова было молчание. Я вздохнул:

– Плохо, господа, очень плохо... Россия заканчивает строительство железной дороги на Дальний Восток. То есть мы становимся первой страной, которая будет способна торговать с Китаем, Кореей и даже Японией без оглядки на Англию, а также сумеет предоставить такую же возможность любому другому государству мира. Неужели британцы никак на это не отреагируют? А в Департаменте морской и береговой информации, призванном противодействовать британской морской мощи, никто даже не имеет представления о том, что творится на нашей азиатской окраине.

– Ваше высочество, – подскочил один лейтенант, – прошу прощения, но нам не ставилась такая задача!

Я вздохнул:

– В том-то и беда... Ну да ладно. Пока еще есть время хоть что-то исправить. И в связи с этим мой второй вопрос. Служить Родине можно по-разному. Кто из вас готов поступиться карьерой, славой, чинами, уйти в безвестие, но для того лишь, чтобы наилучшим и самым нужным Родине образом исполнить долг офицера и дворянина?..

Через несколько месяцев после этого разговора четверо молодых англичан объявились в нескольких английских портах – от Лондона до Бомбея, – дабы отплыть оттуда в Китай и Японию. Двое из них должны были на некоторое время осесть в Гонконге и Сингапуре, а остальные ехали дальше. Навстречу им, с другой стороны Тихого океана, двигались два молодых американца...

Осень прошла ожидаемо. Не сказать, чтобы спокойно, но все было в пределах нормы. Я смотался на Черноморский флот, который сейчас активно крейсировал в Средиземном море в связи с резким осложнением ситуации в Турции, затем проехался по Кавказу, посетил

свои нефтяные промыслы, потом поднялся по Волге до активно расширяющегося своего же нефтеперерабатывающего завода в Чистополе. Место было выбрано с учетом последующей постройки нефтепровода до альметьевских промыслов, до которых у меня все никак не доходили руки. Затем я снова вернулся в Петербург, где погонял своих морпехов, а потом заехал к Мосину, и тот представил мне третий образец ручного пулемета. Ну, на совсем уж ручной он не тянул, поскольку весил более десяти килограммов, зато был способен выпустить всю ленту емкостью пятьдесят патронов одной длинной очередью. У предыдущих образцов при таком режиме огня просто перегревался ствол и заклинивало затвор; этот же можно было запускать в производство. В конце ноября на заседании ГАУ его приняли на вооружение, хотя многие недоумевали, зачем русской армии аж два разных пулемета.

В ноябре я сформировал и отправил на Филиппины военно-морскую комиссию, призванную оценить возможности Испании защитить свои передаваемые в аренду России заморские территории, и на этом основные дела года завершились.

Рождество и святки прошли относительно спокойно. А в конце февраля меня отыскал Боткин, только что вернувшийся из Европы.

Я еще год назад закинул ему удочку насчет нашей совместной работы. Подготовительный этап разработки пенициллина подходил к концу. Здание медицинской лаборатории неподалеку от Магнитогорска, совсем рядом с опытовой станцией Тимирязева, нынче разросшейся в целую сельхозакадемию, уже строилось (пусть господа ученые ходят в гости друг к другу и обмениваются идеями). На моей стекольной фабрике всю разворачивалось производство лабораторной посуды и линз для микроскопов. А команда Курилицина начала подбор персонала. Так что проект можно было запускать уже в 1896-м. Но Боткин находился на стажировке в Германии, и я не хотел его оттуда срывать. Хотя провести кое-какие предварительные телодвижения все-таки решился. Поэтому, едва от Канареева поступили сведения о том, что Боткин объявился в Петербурге, я немедленно пригласил его на обед. Ну, чтобы прельстить доктора предстоящей работой и привести его в соответствующее расположение духа. А то очень уж Евгений Сергеевич любит демонстрировать свою независимость.

Обед прошел ожидаемо приятно. Все-таки беседа с образованным человеком из числа мастеров-практиков – это истинное удовольствие. Но именно с практиком, доказавшим делом свой профессионализм. Терпеть не могу философствующих интеллигентов! А после обеда, когда мы наслаждались джестивом и кофе, Дима вкатил на тележке в столовую большую коробку и торжественно поставил ее рядом с доктором.

– Что это? – спросил Боткин.

Я улыбнулся:

– Подарок. В благодарность за ваше прекрасное лечение.

Боткин посмотрел на меня и этак брезгливо поджал губы:

– Я... извините, не беру...

– А вы посмотрите – вдруг понравится? Я ж не просто так, я столько времени думал и искал то, что, как мне кажется, должно вас непременно порадовать.

Боткин пару секунд сверлил меня напряженным взглядом, а затем протянул руку и подвинул к себе коробку. Я его понимал. Ну что может подарить этот богач и баловень судьбы, великий князь? Какой-нибудь глупый сервиз или блюдо... Коробка еле слышно звякнула. На лице Евгения Сергеевича нарисовалась разочарованная гримаса (ну вот, так он и думал), с каковой он и вскрыл коробку... а в следующее мгновение на лице доктора включилось ошарашенное выражение. Именно включилось. Вот так, сразу – мгновение назад его лицо демонстрировало крайнее разочарование, а мгновение спустя уже служило яркой иллюстрацией полного ошеломления. Хоть в учебник актерского мастерства вставляй в качестве пособия по эмоциям человека.

– Что это? – хрипло произнес он.

– Это малый больничный медицинский набор, – сообщил я. – Четыре автоклава, три десятка шприцов четырех типоразмеров, пять стетоскопов, три набора хирургического инструмента... ну и еще кое-что по мелочи. Если мои консультанты не ошиблись, одного такого набора хватит для оборудования средней земской больницы.

Боткин сосредоточенно рылся в ящике, уже не обращая на меня внимания. Я откинулся на спинку стула и не мешал ему. Сразу было видно, что человек занялся любимым делом... Наконец Боткина слегка отпустило. Он распрямился, бросил еще один придирчивый взгляд на скальпель, который держал в руках, и деловито спросил:

– Чье производство? Никогда не видел такого клейма.

– А качество устраивает?

Боткин пожал плечами:

– Сразу не скажешь, но на первый взгляд – вполне. Немцы?

– Нет, – усмехнулся я, – производство моей новой фабрики медицинских инструментов в Акмолинске.

– Вот как? – Боткин удивленно покачал головой. – Не ожидал, ваше высочество, не ожидал... А что же это вас вдруг на медицинские инструменты потянуло? Неужто я произвел на вас такое сильное впечатление своими талантами, что вы решили облагодетельствовать еще и русскую медицину?

– Ну, ваши таланты на меня действительно впечатление произвели. И в связи с этим у меня будет для вас одно предложение. Что же касается этого дела... – я кивнул в сторону набора, – сами понимаете, за столь короткий срок завод-то построить можно, но вот развернуть его работу так, чтобы он начал выпускать широкую номенклатуру продукции – вряд ли. Все началось гораздо раньше того момента, когда вы пользовали меня в Москве... Просто у меня на металлургическом заводе имеется очень большая опытовая лаборатория, разрабатывающая и изучающая разные сплавы – ну там твердость, прочность и так далее, а также их взаимодействие с различными химическими веществами. Вот там и подобрали несколько сплавов, которые, с одной стороны, довольно дороги, а с другой – чрезвычайно интересны. Прочны, долго держат заточку, химически инертны и так далее. Вот я и стал думать, куда бы их лучше приспособить. Ну и надумал.

Боткин усмехнулся – мол, поня-атно, а что еще ожидать от дельца?

– И сколько все это стоит? – Он кивнул на коробку.

– Дорого, – вздохнул я, – но все-таки почти в полтора раза дешевле, чем если покупать все это по отдельности у немцев.

– А если по отдельности у вас?

– Ну... процентов на десять дешевле, чем у немцев. Но можете мне поверить – этот инструмент лучше, чем немецкий. Намного. Лет через пять немцы сами у нас будут его покупать. А может, и раньше.

Боткин недоверчиво покачал головой. А потом принялся укладывать все, что вытащил, обратно в коробку. Я усмехнулся:

– Ну, я так понимаю, берете?

– Беру, – серьезно кивнул Евгений Сергеевич, не отвлекаясь от упаковки, – с благодарностью.

– Ну вот и отлично! – расплылся я в улыбке. – Кстати, насколько я помню, вы вскоре возвращаетесь в Европу. Маленькая просьба – прихватите это с собой. Похвастаетесь коллегам. Пусть знают, что и мы тут, в России, не лаптем щи хлебаем.

Боткин окинул меня взглядом, в котором читалась легкая насмешка. Мол, понимаем, зачем вы мне подарочек подогнали – на иностранный рынок надеетесь... Но насмешка была с таким одобрительно-покровительственным оттенком. Как видно, он и сам был не прочь

похвастать тем, что в России умеют делать подобный, очень неплохой на первый взгляд, медицинский инструмент. Но тут его внимание привлекло непонятное устройство.

– А это что, не подскажете?

Я улыбнулся:

– Это новая модель стетоскопа. Я ее уже запатентовал. Вот смотрите, это металлическая воронка с тонкой целлулоидной пленкой, от нее идут трубочки из каучука, а вот эти вот обтянутые каучуком же металлические трубки следует вставить в уши. Попробуйте.

Боткин попробовал и на некоторое время выпал из реальности, прикладывая головку стетоскопа то к своей груди, то к запястью. На лице его при этом блуждала восторженная улыбка. Надо же, как человек любит свою работу...

– Великолепно, просто великолепно! – Он смущенно улыбнулся. – Простите, пожалуйста, ваше высочество, а нельзя ли у вас приобрести несколько штук таких новых стетоскопов? Я бы хотел сделать подарок моим...

Я махнул рукой:

– Ну что вы, конечно! И какие деньги, Евгений Сергеевич?! Вы же, по существу, поработаете там, за границей, кем-то вроде моего коммивояжера. Так что – никаких проблем. Десяти приборов вам хватит? – И я потянулся к стоящему у меня на столе телефону производства моего собственного завода.

– Да-да, конечно, но мне крайне неудобно вводить вас в расходы...

– Дима, зайди! – Я бросил трубку и снова развернулся к Боткину: – Евгений Сергеевич, позвольте уж мне решать, какие для меня расходы приемлемы, а какие – необходимы. Договорились? Отлично!.. Дима, позвони на склад Шовкунова, пусть упакует десять новых стетоскопов и пришлет Евгению Сергеевичу. Адрес он скажет.

Когда за моим секретарем закрылась дверь, Боткин как-то подобрался и решительно произнес:

– Ваше высочество, вы упоминали, что у вас есть ко мне какое-то предложение. Я – весь внимание.

Я усмехнулся про себя. Ну да, благородный человек ощущает за собой долг чести и намерен немедленно предпринять все усилия, дабы этот долг был отдан.

– Об этом чуть позже. Вам же еще осталось около года стажировки в Европе? Вот после нее и поговорим. Так что, как вернетесь, прежде чем принимать какие-то предложения – найдите меня.

Боткин кивнул, но все-таки поинтересовался:

– А может, хотя бы намекнете?

– Нет, – мотнул я головой, – боюсь сглазить. Какая-то уж больно мистическая история получается. А для того чтобы я поверил в мистику, мне нужны очень веские реальные доказательства. Так что сейчас несколько десятков человек носом землю роют, дабы найти мне эти доказательства. И если найдут, то... вы мне понадобятся. А если нет – что ж, просто выпьем с вами бутылочку хорошего вина по случаю окончания вашей большой европейской стажировки. – И я весело рассмеялся...

И вот теперь Боткин вернулся из-за границы и предстал перед моими очами. В этот раз он был настроен ко мне куда благожелательнее, чем в прошлый, и уж тем более в позапрошлый. И причина тому была проста – деньги. Евгений Сергеевич за прошедший год сумел заработать около ста тысяч рублей. С моей помощью, естественно. Поскольку с медицинским инструментом все прошло именно так, как я и рассчитывал. Вернее, даже лучше, чем я рассчитывал. Не говоря уж о самом Евгении Сергеевиче. То ли на немцев стетоскопы произвели такое впечатление, то ли наши инструменты действительно настолько превосходили все то, что предлагалось на немецком рынке медицинского оборудования, но количество заказов нарастало лавинообразно. Фабрика по производству стетоскопов уже работала в две смены. И все

равно не справлялась с потоком заказов. Третью смену сделать не получалось вследствие недостаточных мощностей электростанции, ибо работать с необходимым качеством при керосиновом освещении не получалось. Но после запуска новой электростанции, работавшей на угле, с доставкой коего с экибастузского месторождения не было никаких проблем, вопрос должен был решиться положительно. Более того, поставки на внутренний рынок практически прекратились – все уходило на экспорт. Даже повышение цены на двадцать процентов практически не отразилось на том ажиотаже, который сначала немцы, а вслед за ними французы, австрийцы, датчане и даже высокомерные англичане создали вокруг нашей продукции. Впрочем, внутренний спрос пока был небольшой. У нас привыкли смотреть в рот иностранцам и пока еще по привычке закупали медицинский инструментарий у немцев, бельгийцев, англичан, с пренебрежением относясь к отечественной продукции. Но, несомненно, вскоре и до наших должна дойти новая берлинская, парижская и лондонская мода на медицинские инструменты русского производства. Вследствие чего я начал спешную постройку еще одной фабрики... Вот процент от поставок и капнул в карман Евгению Сергеевичу, позволив ему не отказывать себе ни в книгах, которые он хотел прикупить, ни в других радостях жизни. За что доктор Боткин как честный человек был мне весьма благодарен.

Когда мы покончили с обещанной бутылочкой и наступило время серьезного разговора, я предложил переместиться в малахитовую гостиную, к камину, и побеседовать там.

– Евгений Сергеевич, – начал я давно планируемый разговор. – Как вы относитесь к возможности стать отцом девицы Панацеи?

Боткин сначала удивленно воззрился на меня, а спустя некоторое время улыбнулся:

– Это как раз та самая мистика, о которой вы упоминали при нашей прежней встрече?

Я кивнул, оставаясь при этом серьезным.

– Что-то... африканское?

Я улыбнулся:

– Уже нет. И это самое «уже» оказалось последним и самым весомым доводом, побудившим меня принять решение профинансировать едва ли не самый многообещающий исследовательский проект в области медицины.

– Вот как? – Боткин заинтересованно развернулся ко мне. – А не поведаете ли подробности?

И я поведал...

Боткин слушал меня с весьма скептическим выражением лица. А как еще он мог отреагировать на историю о мелком африканском племени, которое выживало на протяжении сотен лет только потому, что его шаманы умели лечить сепсис, пневмонию, менингит, гнойные язвы и даже справляться с чумой?

– Весьма занимательно, – подытожил он, когда я закончил, – вот только не могу понять вашего доверия ко всей этой чуши. Примитивные культуры не владеют особыми медицинскими познаниями, и, как правило, все разговоры о чудодейственных препаратах примитивных народов – не более чем сказки. Могу я поинтересоваться составом целебного средства, о котором вам поведали столько интересного?

Я пожал плечами:

– Состав я не знаю. Нам удалось выяснить только то, что средство приготавливалось на основе вытяжки из какой-то плесени.

– А кал летучих мышей и кровь девственницы в его состав не входили? – со смехом полюбопытствовал Боткин.

Я покачал головой:

– Нет, вроде ничего такого не было. Зато нам удалось отыскать свидетельства восьмерых европейцев, которых вылечил тот шаман. Вот отчеты моих людей. – Я протянул Боткину папку с десятком листов, напечатанных на двух разных машинках Ремингтона. Я отпечатал их сам,

на бумаге, которую специально привез из Трансвааля, предварительно состарив и замусолив ее с использованием местных компонентов. Я не думал, что доктор Боткин станет привлекать к экспертизе сего труда какой-нибудь полицейский чин, но на всякий случай решил подстраховаться. А ну как доктору вздумается сохранить эти «исторические» документы для потомков? А уж там, в будущем, кто-то вздумает провести экспертизу, которая покажет, что документы, якобы созданные в Южной Африке, напечатаны на бумаге, продававшейся только лишь в Петербурге, и не имеют в себе ни единой крупинки почвы или там бактерии, которые встречаются в указанном районе мира.

Боткин внимательно прочитал все написанное мною, а затем бросил на меня задумчивый взгляд:

– Я мог бы встретиться с этими людьми?

– Увы, никого из них нет в живых.

– Ну вот видите. Возможно, вашему шаману и удалось добиться некоторой ремиссии, но она явно оказалась весьма недолгой, и все пациенты вскоре отправились в мир иной. Это, несомненно, еще раз доказывает, что примитивная медицина просто не способна...

– Доктор, ни один из них не умер от болезни, – прервал я его.

– То есть? – Удивление Боткина было неподдельным.

– Ну сами посудите, – улыбнулся я, – какой образ жизни должен быть у человека, чтобы в тот момент, когда его так прихватило, у него под рукой не нашлось бы никого способного оказать ему помощь, кроме шамана маленького африканского племени? Так что всех восьмь-рых убил их образ жизни, а непосредственной причиной их ухода на тот свет послужили более прозаические предметы – в основном пули, но в паре случаев нож и один раз веревка.

Боткин помолчал, переваривая информацию, и спросил:

– А шаман?

Я развел руками:

– Увы, я начал поиски слишком поздно. Земля этого племени понадобилась ойтландерам из англичан. Так что теперь этого племени больше нет.

Доктор разочарованно вздохнул:

– И что вы хотите от меня?

– Панацея, – ответил я.

– Увы, тут я вам вряд ли могу помочь, – пожал плечами Евгений Сергеевич. – Видов плесени – великое множество. Не будем же мы искать методом тыка...

– Будем, – перебил я. – Непременно будем. Тем более что метод тыка нам не грозит. Вот, почитайте еще этот материал.

– Что это?

– Это статья из одного итальянского медицинского журнала. Я специально велел своим людям отслеживать все публикации, в которых упоминается плесень. Подавляющее число подобных материалов, естественно, относится к сырам, но вот эта статейка меня обнадежила. Некий господин Гозио сообщает о своих исследованиях плесени *Penicillium*. Он утверждает, что выделения этого грибка серьезно подавляют рост колонии бактерий.

Боткин взял у меня листок и углубился в чтение. Изучив статью, он некоторое время раздумывал, покусывая ус, и наконец спросил:

– Вы сможете купить эту культуру?

Я кивнул.

– Хорошо. – Боткин энергично махнул рукой. – Я готов этим заняться. Но... вы же понимаете, после этого, даже если мы добьемся успеха, я не смогу считаться первооткрывателем.

– Вы сначала добейтесь, а славой с господином Гозио потом поделитесь. К тому же я собираюсь и его пригласить поработать у меня. Если вы, конечно, не возражаете. Но мне нужен руководитель, которому я могу доверять. Вас я знаю и вам доверяю. – Я замолчал.

Боткин тоже молчал, а взгляд у него был уже совершенно отрешенный.

– Так вы согласны, Евгений Сергеевич?

– А?.. Да-да, конечно!

– В таком случае – собирайтесь, – закруглил я разговор.

– Собираться? Куда?!

– В Магнитогорск. Там вас ждет большая и прекрасно оборудованная лаборатория. Насчет персонала – кандидатуры обсудите с господином Курилициным. У него уже кое-кто отобран, но если захотите пригласить кого-то еще – не вижу проблемы. То же касается и оборудования. Если что-то потребуется – составьте список. Недели вам хватит, чтобы разобраться со всеми текущими вопросами?

– Да, но... это как-то неожиданно. Я несколько растерян...

– И?..

Боткин шумно вздохнул:

– Нет, ничего. Я готов... э-э... буду готов к отъезду через неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.